

ДЕТИ БОЛЬШИХ ДОРОГ

Натали Стердам

1,5 года в пути, 32 страны, 100 городов

Натали Стердам
Дети больших дорог. 1,5 года
в пути, 32 страны, 100 городов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36329752

ISBN 9785449320186

Аннотация

Эта книга – рассказ о реальном путешествии, которое началось в августе 2013 года и закончилось в декабре 2014. За это время автор объехала автостопом полмира, побывав в 32 странах Европы и Америки.

Содержание

Предисловие	6
Часть первая.	10
Глава 1.	11
Глава 2.	21
Глава 3.	32
Глава 4.	39
Глава 5.	43
Глава 6.	60
Глава 7.	67
Глава 8.	75
Глава 9.	85
Глава 10.	93
Глава 11.	98
Глава 12.	110
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Дети больших дорог 1,5 года в пути, 32 страны, 100 городов

Натали Стердам

Спасибо всем, кто помогал мне и поддерживал в течение полутора лет, что я жила в дороге.

Спасибо моей семье за безграничное терпение, с которым они следили за моим путешествием.

Спасибо Настасье, которая поделила со мной прекрасное лето в Южной Америке.

Спасибо Кэте Ивановой (Ginger Bread), которая вычитала эту книгу, и Оле Соколовой, остававшейся со мной все это время.

Я посвящаю свою книгу тем, кто находится в путешествии прямо сейчас.

Теплой дороги.

Фотограф Mario Schmidt

Редактор Екатерина Иванова aka Ginger Bread

Переводчик Ольга Соколова

Дизайнер обложки Giovanni Andrés Altamirano Rojas

© Натали Стердам, 2018

© Mario Schmidt, фотографии, 2018

© Ольга Соколова, перевод, 2018

© Giovanni Andrés Altamirano Rojas, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-2018-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

*«На мою долю выпало столько тонн красоты,
что должно было так расплавить...»*

Вера Полозкова

23 августа 2013 года я улетела из Москвы с билетом в один конец. Как-то очень сумбурно прошла регистрацию на рейс (кажется, в Домодедово), и села в самолет до Италии. Мой план был прекрасен и амбициозен: сделать кругосветку, прокатившись автостопом по всем континентам земного шара с тысячей долларов в кармане. Вряд ли я когда-нибудь решилась бы на это, если бы не многочисленные истории в социальных сетях о тех, кто отправлялся бродяжничать по миру с пустыми карманами. Сидя в офисе и читая о них, я чувствовала ужасную зависть. Мне казалось, что жизнь проходит мимо меня. Я была уверена, что она – не здесь, а за стенами бизнес-центров, на арабских рынках, пахнущих пряностями, на шумных магистралях и безлюдных пляжах, на улицах далеких городов, где танцуют танго и никогда не бывает снега...

23 августа 2013 года я улетела из Москвы с билетом в один конец. Я путешествовала полтора года. Первые три месяца я почти все время была одна, только в Испании встретила на несколько дней с Настасьей – моей хорошей подругой,

которую я знаю с шестнадцати лет. Следующая наша встреча произошла уже в Буэнос-Айресе, откуда мы отправились сначала на юг континента, а затем на север.

Изначально я планировала поехать с попутчиком из Белоруссии, но за две недели до вылета он спасовал. Передо мной встал выбор – остаться в Москве, или рискнуть и поехать одной: без знания английского, без нормального бюджета, без четкого представления о том, где я буду жить. Конечно, я выбрала второе.

Я пересекала границы стран, ночевала у местных, которые бесплатно пускали к себе, и каждую минуту, каждую секунду ощущала пульс жизни – загаданное на Новый год желание сбывалось. Страх не было. Был драйв, который я чувствовала всеми фибрами души. Я сделала то, о чем многие лишь мечтают – бросила все и отправилась путешествовать. Подобно герою моего любимого фильма «Трасса 60», я искала ответ на свою жизнь. Все правила были нарушены, привычная картина мира – перевернута, но я испытывала счастье.

Потом пришла усталость. Проехав полмира, я обнаружила себя разбитой и обессиленной, и потому отказалась от продолжения путешествия.

23 августа 2013 года я улетела из Москвы с билетом в один конец, а 16 января 2016 года решила рассказать свою историю, написав о ней книгу. Многие просили меня об этом, но я лишь отшучивалась, обещала, что однажды – непременно, и никак не могла начать. Вернее, не хотела. Отправля-

ясь в дорогу, я бежала от себя, надеясь найти на пути если не просветление, то хотя бы ответы на вопросы: кто я? Чего я хочу? Что нужно делать, и как жить? Я представляла, как дописываю последнюю страницу с чувством, что жизнь моя удалась, и я поняла о ней всё. Оказалось – я не поняла и половины.

Я не чувствовала себя вправе писать книгу, в которой не будет ровным счетом никакой морали, ни намек на истину, ведь все, что произошло – ценно только для меня. Это моя память, часть моей души, и эта часть может показаться бессмысленной и далекой историей тем, кто не стоял со мной бок о бок на дороге – на пути к океану, через пески пустыни... Тем не менее, я хочу записать ее – для себя самой, чтобы обмануть время, которое замыливает взгляд на прошлое, делает его нерезким и похожим на мираж (это было со мной?).

Книга разделена на три части: «Безграничная Европа», «Под солнцем Латинской Америки», «От побережья до побережья». Первые две части, повествующие о моем путешествии по Европе и Латинской Америке, я писала на основе дневниковых записей, поэтому в них больше подробностей и имен. Приехав в США, я перестала писать – все, о чем я рассказываю в третьей части, приходилось выуживать из памяти, и что-то я, вероятно, забыла.

Как вы уже догадались, все события в этой книге не вымышлены, имена героев не изменены, а совпадения с реаль-

но существующими людьми вовсе не случайны.

Часть первая. Безграничная Европа

Глава 1.

Все всегда начинается в Италии

Первый раз я оказалась в Венеции в период глубочайшей депрессии, когда желание выпить кофе перемежалось с честными попытками не выйти из окна сразу после завтрака. Я не знаю, какого рода магия произошла со мной в этом безвременье, в этой современной Атлантиде с вечно голодными чайками и столетними лабиринтами улиц, но я вернулась оттуда другой. Тогда же, между Дорсодуро и Санта-Кроче – головой и плавником этой большой рыбы, в которую облечена Венеция, я поняла, что мое путешествие возможно, и это дало мне надежду.

Всегда, сколько себя помню, я мечтала путешествовать. Когда мне было пятнадцать, мы с друзьями ездили автостопом в соседний город – не потому, что нам очень хотелось его посетить, а потому, что наша жажда жизни и приключений снова и снова толкала нас на дорогу. Летом 2007 мы поехали на Байкал. Свой восемнадцатый день рождения я справила в мужском буддийском монастыре (четки, подаренные монахами, я до сих пор храню как память, куда бы ни занесла меня жизнь). Довольно скоро я поняла, что географию своих передвижений надо расширять, и переехала с Дальнего Востока в Санкт-Петербург, а еще через два года – в Москву. Я часто ездила в Европу, посетила Италию, Германию, Ав-

стрию, Чехию, страны Скандинавии и Прибалтики, но всегда возвращалась в столицу. И вот Москвы стало мало.

Закончилась зима, наступило лето. С момента, когда я впервые вернулась из Венеции, прошло семь месяцев. В конце августа я села в самолет Москва-Верона, потому что моя история не могла начаться иначе. Вся жизнь уместилась в рюкзак весом 11 килограмм. Мягкие игрушки, фотографии, чьи-то открытки, цветные платья (все, кроме одного – самого красивого) остались в городе, из которого я улетала с билетом в один конец. Наверное, нигде я не была так счастлива, как в Москве, и ниоткуда не уезжала с такой пустотой в груди – отдав ей кусок сердца и освободив место для нового этапа своей жизни, на котором у меня наверняка не будет никого и ничего, кроме самой себя. Впрочем, если подумать, это уже немало.

В самолете пахло сладкими булками и пищей, стюардессы в голубых платках разносили вино, вокруг слышалось знакомое «benvenuto»¹. Рядом со мной сидел Денис. Не знаю, чем он занимается сейчас, но в тот момент он работал журналистом на телеканале «Дождь» и летел на Венецианский кинофестиваль. Я на всякий случай уточнила, нет ли у него выходов на издание, готовое опубликовать мои путевые заметки. Первая из ста напечатанных для подобного случая визиток исчезла в его кармане, куда он спрятал ее трясущимися руками – аэрофобия. Мне страшно не было. Вероятно,

¹ Benvenuto (итал.) – добро пожаловать.

потому что я знала – не сейчас. Но не исключаю, что знание мое основывалось на нескольких бокалах красного сухого. Денис так и не позвонил, став первым в череде тысячи никогда не встреченных вновь.

Кстати, идея с самодельными визитками себя не оправдала: я не учла, что век компьютерных технологий берет свое, и намного удобнее моментально найти друг друга в социальных сетях. Вряд ли я раздавала больше десяти штук, прежде чем потеряла где-то оставшиеся.

Почти одновременно с тем, как село солнце, я вышла из здания аэропорта в Вероне. Меня встретил Алессандро, гостеприимно предложивший остановиться на ночь в палатке во дворе его дома – между предназначенными на убой кроликами и курицами. Несколько раз он приветственно поцеловал меня, напомнив об этой нежной итальянской привычке целоваться при встрече, прощании, утром, вечером, ночью, с поводом и без повода.

Алессандро было сорок, он учил русский, продавал кондиционеры, много путешествовал и имел одну небольшую проблему: его супруга категорически не одобряла активную деятельность своего благоверного по привлечению в дом гостей из разных стран. Не говоря ни на каких языках, кроме итальянского, Тереза не испытывала особого интереса к тем, кто оказался проездом в их доме. Этим и объяснялось то, что свои сумбурные сны в ту ночь я смотрела на надувном матрасе под аккомпанемент множества сверчков. Увидеть Те-

резу мне так и не довелось – видимо, она этого не хотела. Но не могу сказать, что я переживала по этому поводу.

Думать об этом было некогда, ведь на столе стояло сладкое домашнее вино и паста с собственноручно выращенными в саду помидорами, где помимо прочего росли виноград, ягоды и киви. Ближе к ночи, ровно после ужина, наступила Верона: мы бродили под фонарями, Алессандро рассказывал мне городские сказки, неторопливо проходящие мимо люди пели, джелатерии² не собирались закрываться, встречаясь чаще обычных баров – самое важное вовсе не процент алкоголя в крови, а эндорфины от шоколадного мороженого. Итальянцы – великие гедонисты.

Утром мы поехали к Джульетте – до этой каменной девы я так и не добралась в свой прошлый визит в Верону. Если верить примете, каждый, кто потрогает бронзовую барышню за грудь, непременно обретет счастье в любви. Я, конечно, тоже не удержалась и схватила ее за сосок, но, видимо, в моем случае чары Джульетты дали сбой. Подниматься на знаменитый балкон, с которого, согласно Шекспиру, девица общалась с Ромео, я не стала, так как удовольствие стоило четыре евро. С учетом того, что балкон является современной пристройкой, созданной специально для чересчур романтичных туристов – неоправданно дорого.

Ровно в час дня я села на поезд до Венеции. За окном

² Джелатерия (итал. Gelateria) – кафе, в котором производится и продается мороженое.

проносились виноградники, небольшие железнодорожные станции, покрытые черепицей оранжевые дома. Мой город приближался ко мне километрами рельсов, предчувствием влажного воздуха, солью Адриатики, смеющимися масками со старых фотографий. Когда Венеция наконец случилась со мной снова, сразу с вокзала я направилась к Джуану – одному из итальянских мастеров масок, с которым познакомилась в октябре 2012 года. К нему же я наведальась, вернувшись в феврале на карнавал. Таким образом, я завела привычку неожиданно объявляться в его жизни без каких-либо предварительных звонков и договоренностей. В этот раз магазин оказался закрыт. Безрезультатно прождав около часа, оставила на двери записку с явками и паролями, и ушла гулять по городу.

От Сан-Марко до Святой Елены – босиком по набережной, с кедами в руках, сквозь толпы туристов к полупустым улицам, на которых мальчишки играют в футбол, а на окнах сушится белье. Моя Венеция – это, возвращаясь из очередного тупика, наткнуться на толпу школьников, увидеть, как играют в маленьком парке собаки, заблудившись, запутаться во времени и обнаружить себя в тысяча шестьсот каком-то там году, потому что в Венеции времени нет, оно отсутствует как категория. Моя Венеция – вернувшись к мосту Риадельто, встретить потерявшуюся русскую туристку и помочь ей добраться до Сан-Марко, с ней же делить апельсин, опустив уставшие ступни в воды Адриатики, а после снова гу-

лять без карты, теща себя иллюзиями, что однажды я стану хоть немного своей в этом невозможном городе, где своим можно только родиться.

Звонок мастера застал меня через несколько часов на ступенях одной из церквей. Вернувшись, обнаружила на зеркале фотографию, сделанную еще осенью 2012. Вопреки всему, почта России доставила ее в Италию целой и невредимой. На секунду я задумалась о том, как же причудливо иногда складывается жизнь: я бродяжничаю по земному шару, а где-то в Венеции, между масками из папье-маше и обрывками газет, висит моя черно-белая фотография...

Традиционно пошли есть пасту и пить вино. Откровенно говоря, до сих пор удивляюсь, как мне удалось не спиться в те месяцы: алкоголь разной крепости регулярно употреблялся внутрь в компании новых знакомых – за встречу, за друзей, за путешествия, за очередной прекрасный город с многовековой историей.

В тот солнечный полдень в Венеции, в один из последних дней августа, я рассказала за бокалом вина о своих грандиозных планах старому мастеру, и пообещала, что при следующей встрече буду говорить по-английски намного лучше. Несмотря на языковой барьер, он понял идею, и пришел в ужас.

– Я объеду всю Европу, а потом улечу в Латинскую Америку! Только представь, Джуан, только представь!

– Натали, это сумасбродство, ты должна одуматься, ты

не можешь этого сделать!

– Почему нет?

– Это опасно. В Европе опасно. В Италии опасно. Про Латинскую Америку я вообще молчу...

Эти слова мне придется услышать десятки раз на самых разных языках. «Yo no lo creo! De Rusia a Argentina? You can't do it. Je ne suis pas sûr que je comprends, mais si oui, tu es fou»³. Я привыкла к ним, они отчасти вписались в лейт-мотив моей дороги. Я не могу, но я лечу в Аргентину, чтобы после пересечь континент вдоль и поперек, оказавшись между двух океанов и на двух побережьях, и, может быть, я действительно сошла с ума.

Данное Джуану обещание я сдержала в августе 2016. Мы встретились в том же самом кафе, где три года назад я с горящими глазами рассказывала ему о своих грандиозных планах. Мы снова пили мерло. «Теперь я говорю по-английски». «Да, Натали, это так...». Разговор не клеился. Меня не покидало ощущение, что мы видимся впервые. Джуан тоже смотрел на меня иначе – так смотрят на внезапно повзрослевшего ребенка. Но в том далеком 2013 этой странной неловкости еще не было.

Джуан очень хотел помочь мне и оплатить отель, но я

³ Я не верю! Из России в Аргентину? Ты не можешь сделать этого. Я не уверен, что понял, но если это так, то ты сошла с ума (перевод с испанского, английского и французского).

отчаянно сопротивлялась, так как договорилась о ночлеге в Местре с Хамисой – моим вторым хостом. В итоге сошлись на том, что мастер позвонит ему и поможет назначить встречу, ибо, как вы уже поняли, я в те славные времена объяснялась на иностранных языках всё чаще на языке жестов, что было весьма затруднительно по телефону. Это сейчас я уверенно говорю по-английски, и чуть менее уверенно по-немецки, тогда же находить общий язык было намного сложнее.

После разговора Джуан повернулся ко мне и с большим сомнением в голосе осведомился, знаю ли я о том, что Хамиса – афроамериканец. Конечно, знаю. Хамиса – единственный, кто согласился принять меня в тот момент, когда я еще искренне верила в то, что еду путешествовать с попутчиком. Многие каучсерферы не любят гостить разнополые пары ввиду того, что последние часто рассматривают предоставленный от чистого сердца кауч⁴ как бесплатный отель, и ведут себя соответственно: раскидывают вокруг изделия №1, ломают в порывах страсти кровать, не обращают внимания на того, кто их пригласил. Отягчающим обстоятельством было то, что на моей личной странице отсутствовали отзывы, и венецианцы не хотели рисковать, приглашая в дом «непроверенного» человека.

⁴ Кауч (*англ.* Couch – диван) здесь и далее – обозначение не столько дивана, сколько возможности переночевать у местного населения в счет магнитиков, приятного культурного обмена и прочих плюшек. Активно используется в речи путешественников-пользователей сайта Couchsurfing.org.

Через полчаса мы с Хамисой наконец встретились. Он был не один, а в компании двух девочек из Латвии, испытывающих нескрываемую неприязнь к русским. Эльза и Эйва едва ли были старше двадцати лет, и межнациональные распри не коснулись их лично, однако весь вечер они посылали мне почти физически ощутимые тонны ненависти. Не зная о специфических особенностях отношения прибалтов к русским, Хамиса решил гостить нас одновременно, наивно полагая, что рады будут все. Я, впрочем, была сверхтолерантна и невероятно дружелюбна, тем более что в предыдущие посещения Риги и Вильнюса ни разу не сталкивалась с подобной реакцией. Мне нравился и нравится прибалтийский акцент, старый город латышской столицы, янтарные кольца и коты, чьими изображениями украшена половина сувенирной продукции, поэтому я приняла решение расслабиться и игнорировать излишне чувствительных путешественниц.

Сам Хамиса учился в Италии и жил один в трехкомнатной квартире. На выходные к нему нередко приезжал Юк – друг из Камеруна. Последний утопил меня во внимании, и все три дня, что я провела в этом доме, мне приходилось дипломатично уходить от темы в ответ на признания в большой любви. Шутка ли – чуть не плача, товарищ предлагал мне жить вместе в Камеруне. В последнюю ночь он всерьез настроился слиться со мной воедино во всех смыслах. Авантюра закончилась пощечиной и вмешательством Хамисы, которого мне пришлось разбудить среди ночи. Наверное, все дело было

в груди Джульетты, которую я потрогала незадолго до этих событий. Черный юмор.

В конечном итоге я спала не более трех-четырех часов. В преддверии автостопа из Венеции в Цюрих – катастрофа. Сохранять бодрость духа в одиночных путешествиях – одно из главных правил, о которых следует помнить. Я имею в виду не только позитивный настрой, но и наличие энергии на свершение великих дел, одним из которых и является бросок между городами на 540 километров. Спать в чужих машинах не рекомендуется. Исключение – только если едешь с попутчиком и доверяешь водителю.

Глава 2.

Прекрасная Швейцария, или как приехать в одну из самых дорогих стран с 40 франками, а уехать с 45

До этого путешествия мой опыт автостопа в Европе ограничивался несколькими шальными днями в Швеции и Финляндии в 2010 году. Но ориентироваться на них я не хотела: несмотря на все радости дороги, однажды она привела меня к ночевке на лавочке в Стокгольме. Таким образом, премудрости европейского автостопа пришлось постигать в процессе. Первое и самое важное: уютные российские обочины отсутствуют как таковые, самая выгодная позиция – выезд с заправки. Второе: лучше всего иметь при себе табличку с названием города, в который направляешься. Если город недалеко (до 300 км) можно смело указывать на табличке его. Но до пункта назначения не менее 500—700 км, рекомендую на одной стороне написать название какого-либо крупного населенного пункта, который вам так или иначе придется пересечь, а на другой – название города, являющегося конечной целью. Трюк из области психологии: водитель, который теоретически мог бы проехать вместе с вами 200 км, может не подобрать вас потому, что вы едете далеко, а ему туда вовсе не надо, и пусть уж лучше кто-нибудь другой вам

поможет. Не спрашивайте, в чем суть, но фокус с табличками работает. Однако всего этого я еще не знала, поэтому, выбравшись из города, начала метаться по автобану, как бешеная белка. Мне повезло, и через полчаса я уехала с каким-то сердобольным итальянцем. Вообще жизнь показывает, что уехать можно откуда угодно, хотя однажды в Сан-Пауло я начала всерьез в этом сомневаться. Впрочем, еще не время для бразильских баек.

Первым, кто меня подобрал, был дальнобойщик. В цивилизованной Европе – явление не такое уж частое, так как водители боятся за груз и собственную безопасность. С ним я доехала до Падуи. Следующий водитель подбросил до Турина, угостив эспрессо и печеньем. Затем в свою машину меня пригласила итальянка по имени Грация. Когда я благодарила ее за пиццу и отзывчивость, звучало это весьма забавно: «Grazie, Grazia!»⁵. Общение в течение нескольких часов с водителями, которые не говорят по-английски, сделало свое дело: садясь в пятую машину к бельгийке Жюли, фразы на итальянском я выдавала уже машинально. К собственному удивлению, выражать мысли на языке Казановы в тот момент мне было легче, чем на английском. Жюли понимала мои вопросы и исправляла ошибки – приятный сюрприз и дополнительный бонус. К сожалению, сейчас я не помню совсем ничего, но по-прежнему не теряю надежды однажды заговорить с гондольерами на их языке.

⁵ Grazie, Grazia! (ит.) – спасибо, Грация!

Именно из машины Жюли я впервые увидела Швейцарию. Увидела – и ахнула. Затянутые туманом горы, воздух, от которого кружится голова, замки в облаках и спрятанные в ущельях водопады – в тот день я перестала быть равнодушной к природе. Прежде мне нравились города, я представляла, какая у каждого из них душа, и какое настроение. Природа казалась мне скучной. Как же я ошибалась! Еще через несколько лет я полностью потеряла свой интерес к мегаполисам – слишком много людей и автомобилей.

Примерно за пятьдесят километров до Цюриха мы с Жюли сердечно распрощались, и я морально подготовилась к посещению знаменитого города часов, банков и шоколада. Я не учла лишь одного – пригорода, в котором оказалась. В течение трех часов я пыталась поймать хоть одну направляющуюся в столицу машину, стоя рядом с автобусной остановкой. Да, это была плохая идея. Особенно на фоне наступающей ночи, непрекращающегося дождя и полного отсутствия людей поблизости. Однако даже несмотря на то, что я не верю в бога, мои ангелы не спали: из надвигающейся темноты вынырнула машина. Из нее вышла ухоженная женщина, которая отвезла меня на ближайшую железнодорожную станцию и купила билет в Цюрих. На какое-то время я вздохнула с облегчением. Тем не менее, передо мной стояла еще одна задача – дозвониться хотя бы до одного из тех, кто зазывал меня переночевать. По непонятным причинам все номера были недоступны, и я начала настраивать-

ся на вокзальную романтику по-швейцарски. В конце концов, мне удалось дозвониться до одного из моих заочных друзей.

Бен встретил меня на вокзале, напоил горячим черным чаем, а после холодным белым вином. Бен – учитель. «Bad teacher»⁶, как он сам себя называет. Он учит своих студентов рисовать чертежи и правильно пить алкоголь. Учебными пособиями был забит весь холодильник. Разница менталитетов: в большинстве случаев дома у европейца всегда есть минимум несколько бутылок вина, банок пива и какой-нибудь соды. Редко кто бежит в магазин в последний момент (тем более, что большинство магазинов даже по будням работают только до семи, а по выходным вообще закрыты).

Бен любит алкоголь, но назвать его алкоголиком я не смогла бы при всем желании: он знает цену деньгам и умеет их зарабатывать, живет один в обставленной хорошей мебелью и техникой трехкомнатной квартире. Высокий уровень жизни – первое, на что я обратила внимание в Швейцарии. Вернее, это то, на что просто нельзя не обратить внимание.

После того, как я уехала из Цюриха, Бен хотел встретиться снова. Он даже порывался приехать ко мне сначала в Валенсию, а потом в Салоники, но в итоге присущие швейцарцам рассудительность и экономность победили. Для него я стала воспоминанием – таким, которое достают из закровов памя-

⁶ Bad teacher (англ.) – плохой учитель.

ти, когда отчаянно хочется подумать о своей жизни в сослагательном наклонении. Воспоминание оказалось настолько сильным, что Бен писал мне еще несколько лет, но мы так никогда и не увиделись – ни тогда, ни после моего переезда в Вену.

Итак, первое утро в Цюрихе: влажные улицы (здесь всегда так холодно?), разлитая в воздухе тишина, полупустые дороги. Всё очень аккуратно, очень красиво и очень дорого, по крайней мере, для тех, чья зарплата составляет меньше трех тысяч евро в месяц. То есть, почти для всех. Проезд в трамвае стоил 2.60 швейцарских франка, три шарика мороженого – не меньше 8 франков (на май 2016, когда я пишу это, сидя в парке на окраине Вены, один швейцарский франк продается за 66 российских рублей). Цены не то что кусались, они безжалостно вгрызались в кошельки туристов. Собственно, по этой причине я перемещалась на общественном транспорте бесплатно, благо делать это было несложно. В отличие от России, билет не играет роль пропуска – вся система построена на честности и сознательности пассажиров. Разумеется, довольно часто в трамвай или в автобус заходят контролеры, однако бдительный заяц без труда разглядит их еще до того, как откроются двери: они одеты не в штатское, как в Австрии или в Германии, а в специальную синюю форму. Конечно, мне немного стыдно, но я искренне надеюсь, что не подорвала экономику Швейцарии за два дня.

В любое время суток на улицах Цюриха можно увидеть

мужчин в деловых костюмах. Их настолько много, что кажется, будто каждому мальчику на совершеннолетие дарят деловой костюм, приглашая его тем самым в мир офисных будней и больших денег. По количеству безбожно шикарных автомобилей маленький Цюрих, вероятно, не уступает огромной Москве, что неудивительно при средней зарплате в 2500—3000 франков. Видимо, для того чтобы родиться в Швейцарии, нужно иметь очень хорошую карму.

В разных частях страны говорят на разных языках, причем все четыре считаются государственными. На территории, приближенной к Италии, для общения используют итальянский, в горах говорят на ретороманском, население Цюриха немецкоязычное, а жители Женевы, расположенной всего в 250 км западнее, называют своим родным языком французский. Ретороманский представляет собой далекий намек на итальянский, и его знает менее 1% граждан Швейцарии. Подавляющее большинство швейцарцев говорит на немецком, однако он значительно отличается от классического немецкого, который можно услышать в Германии. Из-за этого молодое поколение вынуждено дополнительно учить язык Гете в школе – иначе при поездке в Германию не избежать языкового барьера. Впрочем, отношение швейцарцев к путешествиям вообще довольно своеобразное. Если спросить у коренного жителя Цюриха, что он думает о Женеве, с большой вероятностью он ответит, что никогда там не был, и желанием побывать не горит, потому что

не знает ни слова по-французски. Догадайтесь, что ответят в Женеве на вопрос о Цюрихе?

В моей же голове мысли по-прежнему формулировались исключительно на великом русском, хотя на пятый день путешествия я начала привыкать к английскому, что не могло не радовать.

В ходе прогулок по городу наткнулась на галерею «Эрарта», в которой мне довелось поработать пять лет назад в Санкт-Петербурге. Наверное, это была одна из самых интересных и творческих работ: в мои обязанности входило написание художественных текстов к картинам современных художников. Иначе говоря, я смотрела на абстрактный рисунок, вдохновлялась тем, как смешались краски на холсте, и выдавала субъективное впечатление в виде красивой словесной миниатюры. К сожалению, позже концепция сайта поменялась, и все тексты убрали еще до того, как я успела сохранить их на долгую память.

На мой взгляд, современное и концептуальное искусство – вовсе не одно и то же. Концептуальное – это повесить кастрюлю на люстру и заставить зрителя ломать голову над тем, что это значит. Современное искусство делается здесь и сейчас, и в большинстве случаев по достоинству оценить его могут не только искусствоведы, но и обычные люди без соответствующего образования.

С этими мыслями я вернулась к Бену, попрощалась с ним,

и отправилась искать следующего хоста⁷ – Лэвина. Он тоже жил один, но намного дальше от центра Цюриха – в пригороде. Тем не менее, и ему было чем похвастаться: соседний дом принадлежал Тине Тернер, что как бы подтверждало престижность всего района. Лэвин работал механиком и мечтал управлять вертолетом, для чего собирался весной поехать в Штаты – учиться в Америке на порядок дешевле, нежели в родной Швейцарии.

Об этом и о многом другом он рассказал мне на набережной у озера рядом с домом.

– Я хотел бы летать.

– Какая необычная мечта.

– Я бы назвал это планами. Учиться в Калифорнии выгоднее во всех отношениях, но я не представляю, как буду жить вдалеке от этих гор...

Мы пили местное пиво и до самой темноты сидели у причала, наблюдая за тем, как в домах на другом берегу зажигаются огни, а на небе появляются звезды. Мне кажется, это была одна из самых красивых ночей в моей жизни. Там и тогда я влюбилась в Швейцарию, которая навсегда осталась в моем сердце туманами и тишиной, разряженным воздухом и наступающей осенью.

Утром Левин, встревоженный моим печальным опытом

⁷ Хост – термин, который употребляют пользователи couchsurfing.org для обозначения приглашающего к себе человека.

автостопа из Венеции в Цюрих, купил мне билет в Женеву. Перед тем, как сесть в поезд, я пообещала, что мы обязательно встретимся в Калифорнии через год. Спустя десять месяцев я написала Лэвину, однако не заметила в его ответе энтузиазма. Возможно, он был занят или завел отношения с ревнивой женщиной, но разговор довольно быстро исчерпал себя, и встреча в Сан-Франциско так и не состоялась.

Итак, я ехала в Женеву, оставляя за спиной невозмутимый Цюрих, спрятанный за витражами Шагала. Ужас, который я испытала, узнав, что задуманную кругосветку придется совершить в одиночку, понемногу прошел. Я начала наслаждаться возможностью быть предоставленной самой себе. Размышляя, куда свернуть – направо или налево, я самостоятельно выбирала направление. Лишенная возможности говорить по-русски, я говорила по-английски, изучая язык в два раза быстрее. Оставшись наедине с собой, я начала узнавать себя. Каждый новый день был непохож на предыдущий, и я, наконец, почувствовала себя живой.

Приехав в Женеву, я не стала сдавать рюкзак в камеру хранения: удовольствие стоило 9 франков, то есть, два йогурта и два круассана. Как выяснилось, это было правильное решение – с моим хостом Рафаэлем я встретила всего через пару часов. Повела его о своих дорогах, он, в свою очередь, весьма честно высказался о том, что о русских думают швейцарцы: «Для нас русские – это богатые толстые мужики. Здесь русские именно такие. Россия – это водка и икра».

Я тоже не теряла времени зря, составляя впечатление о Женеве. Первое, на что я обратила внимание – люди: они улыбались друг другу, здоровались, желали удачи, причем даже незнакомцам. Довольно быстро я поймала себя на том, что улыбаюсь первой, теряясь, слыша в ответ французское «Belle journée, n'est-ce pas?»⁸*8. Мужчин в деловых костюмах заметно поубавилось, однако количество дорогих автомобилей осталось неизменным. Пока гуляла, встретила трех россиян, приехавших в Швейцарию по работе. Услышав мой план на ближайшую жизнь, включающий в себя кругосветное путешествие со стремящимся к нулю бюджетом, один из них подарил мне 20 франков. Таким образом, я стала, наверное, единственным человеком в истории, который, приехав в Швейцарию с 40 франками в кармане, через пять дней уехал с 45. Вообще на протяжении всего путешествия, стоило мне потерять точку опоры, рядом всегда появлялись отзывчивые люди, готовые помочь. Не знаю, как работает эта магия, но сбоев еще не было.

Встретившись с Рафаэлем, пошли к озеру. Я купалась прямо в джинсах, кожа моя пахла летом и солнцем, песок прилипал к мокрым ладоням, а Женева ластилась сонной кошкой. За несколько часов до осени вдруг безумно захотелось жить так, как живут здесь: говорить по-французски, ужинать на балконе, уходить из дома в пятницу вечером и возвращаться в субботу утром, будто тебе снова (всегда?)

⁸ Belle journée, n'est-ce pas? (фр.) – прекрасный день, не правда ли?

семнадцать, ездить на выходные в Гренобль. Хотелось так много, что не хватало слов, и в сердце рефреном звучала Вера Полозкова, рифмы которой всегда попадают в цель. Это ее стихотворение надолго стало моим дорожным гимном, пока однажды свободы не стало слишком много.

*Всё бегаем, всё не ведаем, что мы ищем;
Потянешься к тыщам –хватишь по голове.
Свобода же в том, чтоб стать абсолютно нищим —
Без преданной острой финки за голенищем,
Двух граммов под днищем,
Козыря в рукаве.*

*Все ржут, щеря зуб акулий, зрачок шакалий —
Родители намекали, кем ты не стал.
Свобода же в том, чтоб выпасть из вертикалей,
Понтов и регалий, офисных зазеркалий
Чтоб самый асфальт и был тебе пьедестал.*

*Плюемся люголем, лечимся алкоголем
Наркотики колем, блядскую жизнь браня.
Свобода же в том, чтоб стать абсолютно голым,
Как голем
Без линз, колец, водлазок с горлом, —
И кожа твоя была тебе как броня.*

Глава 3.

Франция: о том, каким был мой первый раз

Я боялась уезжать из Швейцарии и боялась ехать во Францию. Перед глазами до сих пор стояла картина, как несколько часов подряд мимо меня проезжают машины, но никто не останавливается – всё-таки последние пятьдесят километров до Цюриха слегка подкосили мою психику. Ехать во Францию было страшно, потому что на каждом углу только и говорили о том, как французы ненавидят английский язык, а я по-французски знала лишь две фразы – «je t'aime» и «je veux manger»⁹. В принципе, достаточно для жизни, но недостаточно для поддержания диалога.

Переживала я напрасно: отправившись в путь ближе к девяти утра, в Лионе я была уже в полдвенадцатого. В первой машине, которая остановилась, ехали две француженки. Обе жили во Франции, а работали в Швейцарии – чудеса, доступные жителям пограничных городов. Плюсы очевидны: со швейцарской зарплатой и французскими ценами можно ни в чем себе не отказывать (билет на трамвай за 1.70 евро – да разве это деньги?). Второй водитель – двадцатитрехлетний мальчик с вьетнамскими корнями. Третий – итальянец

⁹ Je t'aime (фр.) – я тебя люблю. Je veux manger (фр.) – я хочу есть.

родом с Сицилии, который заставил меня вспомнить всё, что я могу сказать по-итальянски. После чудесная женщина искренне попыталась меня обнадежить: «Не переживай, мнение о французах верно лишь отчасти. Во всех городах, кроме Парижа, население настроено весьма дружелюбно. Но вот парижане – те да, те действительно ненавидят всех, а не только англоговорящих».

В Лионе каучсерфинг не заладился в первый раз. Наверное, это был тот самый случай, когда два хороших человека почему-то не понравились друг другу. Сэми встретил меня у метро, и я сразу обратила внимание на то, какой он серьезный. Сначала я надеялась, что всё дело в воскресном похмелье, но и вечером ничего не изменилось – наше общение по-прежнему было весьма прохладным. Намного больше моему присутствию в доме обрадовался рыжий кот. Однако гулять по городу с котом не представлялось возможным, поэтому я осталась с Лионом один на один. Вписаться в местный пейзаж у меня не получилось – еще до того, как я успевала открыть рот, случайные встречные догадывались, что я из России. В конце концов, я смирилась и перестала удивляться, вместо этого испытала очень странное чувство нахождения в стране, где фраза «мерси боку» не звучит с легким налетом издевательства, а каждый второй с любопытством спрашивает, где мой «cherie»¹⁰.

Совершенно случайно попала на фестиваль, где были му-

¹⁰ Cherie (фр.) – дорогой, ненаглядный.

зыка, танцы и вино – в общем, всё, что делает человека счастливым. Там же познакомилась с двумя черными мальчиками – Максом и Каннедсом. Откровенно говоря, я не очень доверяю африканцам, причем не только из-за негативного опыта в Венеции, но и потому, что именно они чаще всего продают на улицах наркотики. Однако танцевать хотелось просто безбожно, тем более что на площади проходил мастер-класс по сальсе и бачате, так что я решила верить в лучшее. Мне повезло, и ребята оказались положительными героями, с одним из них я договорилась встретиться на следующий день.

Незадолго до этого я узнала, что Антуан де Сент-Экзюпери родился и жил в Лионе, поэтому твердо настроилась найти скульптуру Писателя и Маленького Принца. Всё утро мы с Максом провели в тщетных поисках монумента, в существовании которого я уже начала сомневаться. Как же я радовалась, найдя его! Оказалось, и Принц, и Экзюпери – высоко, так высоко, не меньше четырех-пяти метров, и над ними летят самолеты... Для того чтобы не пройти мимо в сто-тысячный раз, нужно смотреть не под ноги, а в небо – вот и весь секрет.

В целом Лион показался мне очень старым господином, который большую часть времени проводит, задремав в саду под ярким послеполуденным солнцем. Я могла бы нежно влюбиться в этот город, встретиться мне люди, которых позже я назову важными: наши впечатления напрямую зависят

от тех, кто разделил их с нами. Даже самый красивый город покажется пустышкой, если в нем не нашлось ни одного человека, который понимает с полуслова.

Утром третьего сентября я выехала в Марсель. Когда садилась в первую машину, к французу Кристофу, нас догнал Чибук – мальчик из Лиона, который тоже ехал автостопом в Марсель. Он выскочил из придорожных кустов и, не дав водителю опомниться, уговорил взять с собой. Так я обрела своего первого попутчика. Впрочем, уехать вместе дальше пятнадцати километров от Лиона у нас не получилось. Простояв на одном месте минут сорок и пропев несколько раз «пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам» (песню Чибук знал благодаря тому, что когда-то давно учил русский), мы пожелали друг другу удачи и разошлись. На свой страх и риск я вышла на хайвэй¹¹, где почти сразу меня подобрал дальнбойщик Алексон, направляющийся в Марсель через расположенный неподалеку городок. Всё-таки в Европе намного проще путешествовать в гордом одиночестве, особенно если ты девочка.

Алексон говорил исключительно по-французски, поэтому общались мы с помощью переводчика. В придорожном Макдональдсе он накормил меня и голодного черного котенка фастфудом – последнему перепал чизбургер. Никогда не видела, чтобы коты ели булки с такой жадностью. Наверное, умеет он говорить, попросил бы еще картошки фри и колы.

¹¹ Хайвэй (англ. highway) – скоростное шоссе.

Вообще ехать с Алексом через его ключевые точки было самой большой ошибкой того дня, потому что замученная и уставшая я оказалась в Марселе только в шесть вечера. Выйдя довольно далеко от центра, я оказалась в каких-то доках, и в голове практически мгновенно заиграли песни из мюзикла про графа Монте-Кристо: «Марсель, привет тебе, заветный берег счастья, Родина моя. Марсель, ты обо мне не позабыл, ты днем и ночью ждал меня...». Меня Марсель не ждал, меня ждал Бруно – мальчик из Бразилии, который собирался вернуться домой через месяц. Он пригласил меня на ужин к своим друзьям-студентам. Во главе с польскими девочками мы лепили вареники в интернациональной компании португальцев, бразильцев, марокканцев и французов. Я тогда снова ощутила счастье и поняла, что научилась безошибочно определять такие моменты, при воспоминании о которых внутри становится тепло, сколько бы лет ни прошло. Жизнь – это такие дни.

Новый день ознаменовался новыми встречами. Первым на контакт со мной попытался выйти мужик с багетом. Рассказав о том, какая я красивая, он предложил провести время в его доме. Вторым был инструктор по фитнесу Эдди, активно убеждавший меня в своем французском происхождении (на самом деле он был арабом). Эдди пошел дальше – поняв, что я не планирую оставаться в Марселе, он предложил поехать в Андорру вместе на его машине. Разумеется, я отказалась. В принципе очень много людей ежедневно пы-

тались составить мое личное счастье, так что порой не вляпаться в неприятности было довольно сложно.

Вечером мы с Бруно пошли на пляж, где проходила встреча каучсерферов – путешественников, оказавшихся в городе проездом, как я, и тех, кто живет в Марселе постоянно. Два запомнившихся знакомства: Мари, русская девочка из Дрездена, и побывавший в Сибири Жан-Франсуа. Мари я встретила через три года в Вене, куда она переехала из Германии. Жан-Франсуа запал мне в душу своими историями о путешествии по России, главным впечатлением от которого стала секта Виссариона. С этим же французским мальчиком, старательно изучавшим русский язык среди сибирских морозов, случился забавный диалог:

Ж.-Ф.: где твой дом?

Я: нет у меня дома...

Ж.-Ф.: ...одна хибара.

На обратном пути мы опоздали на автобус, а следующий должен был прийти только через полтора часа. Таким образом, мы обеспечили себе добровольно-принудительную прогулку по ночным улицам. Кстати, в Москве после полуночи я чувствовала себя намного более комфортно: прибрежный Марсель – далеко не самый безопасный город Франции, и его криминальная составляющая в темное время суток кожей ощущается на каждом углу. Тем не менее, мне понрави-

лось на юге страны. Возможно, потому, что море было теплым, а календарное лето продолжалось (в Европе осень официально начинается 21 сентября).

Глава 4.

В стране Бориса Скосырева

Утром я выехала в Андорру. Почему я вообще решила туда поехать – история, заслуживающая отдельной книги. Итак, прекрасное. В 1933 году простой русский парень Борис Скосырев, авантюрист и сорвиголова, впервые приехал в эту маленькую, затерянную в Пиренеях страну. Не теряя времени даром, Борис предложил свою кандидатуру в качестве короля Андорры. Самое умопомрачительное, как вы уже догадались, заключается в том, что население отреагировало с энтузиазмом. Правда, правил Скосырев недолго, всего несколько дней, но за это время успел написать конституцию. Ну разве не изумительно?

Сев в первую машину в семь утра, в Андорре я была уже в полчетвертого. Не так уж плохо, когда преодолеть авто-стопом требуется более 500 км, 150 из которых приходятся на серпантин. У одного из моих водителей была парализована половина лица, и говорил он только по-французски. Думаю, после поездки с ним я буду безусловным победителем любых игр, где нужно жестами объяснить слово. Еще 120 километров по серпантину я ехала с двумя лихими арабскими мальчиками, которые направлялись в Андорру за сигаретами – там их можно приобрести намного дешевле, чем во Франции. Наверное, мальчики собирались купить послед-

ние сигареты в своей жизни – старую, разваливающуюся машину они разгоняли почти до 100 километров в час, не сбавляя скорости на поворотах. Ах да, чуть не забыла – арабские песни они слушали на кассете. НА КАССЕТЕ, Карл. Через кассетник. Может быть, это была машина времени?

Ощущение, что я сломала пространственно-временной континуум, не покинуло меня и в самой Андорре: на улицах до сих пор можно найти пользующиеся популярностью телефоны-автоматы, а домов выше двух-трех этажей попросту нет. Кажется, что делать здесь абсолютно нечего, но зимой на горнолыжные курорты приезжает множество туристов, в том числе русских, они же приезжают на шопинг летом. Русских в Андорре любят. Может, из-за либерала Бориса, оставившего след в истории страны, может, из-за вклада в экономику (страна живет исключительно за счет туризма). Когда я в поисках вай-фая набрела на огромный торговый центр, русскоязычный персонал сердечно встретил меня, подарил скидочную карту, налил чистойшей горной воды и отправил в вип-зал на мягкие диваны. Но недолго я радовалась счастью обладания интернетом – «Вконтакте» был заблокирован! Заблокированы были и следующие десятка два анонимайзеров, с помощью которых я пыталась войти на сайт, прежде чем мне это удалось. При этом и Facebook, и Livejournal работали идеально. Ни до, ни после я не сталкивалась с подобным.

Первую ночь в Андорре я провела в доме двадцатидвух-

летнего кубинца Рубена, который работал в Burger King и знал английский еще хуже меня (хотя казалось бы, куда уж хуже...). Если бы проблема была только в языковом барьере! Я не фанатичный поборник чистоты и совсем не ханжа, но то, в каком состоянии находилась его квартира, как минимум удручало. Удивляться не приходилось, так как еще во Франции я заметила, что люди не разуваются, заходя в дом. В Андорре ничего не изменилось – и хозяева, и гости могут пройти в ванную или в спальню в уличной обуви. Кроме того, Рубен вел себя, как подросток лет пятнадцати, причем очень проблемный, поэтому на следующий день я сбежала к испанцу Альберто. Первой моей мыслью, когда я его увидела, было то, что вместе нам будет скучным. Виной всему был костюм Альберто, в котором он выглядел, как типичный представитель офисного планктона. О, как же я ошибалась. Вечером мы пошли отмечать день рождения его подруги. Всего на празднике было семь человек, включая меня.

После ужина ребята начали кидать кубик. Алгоритма выбора я так и не поняла, но каждые две минуты кто-то из компании залпом пил ликер. Говорили все по-испански, и понимала я только цифры, которые громко и с восторгом выкрикивались за столом: uno, dos, tres, cuatro!¹² Вопреки распространенному стереотипу о том, что русских хлебом не корми – дай выпить, я почти не пила, и, зная собственный организм, в игре не участвовала. Тем не менее, я с удовольстви-

¹² Uno, dos, tres, cuatro (исп.) – один, два, три, четыре.

ем и с восхищением смотрела на девочек, опрокидывающих по три рюмки подряд, и на мальчиков, ничем не запивающих коньяк, а после смело садящихся за руль спорткара. Боже, как они пили! Если бы Венечка увидел это, то в истории про долгий путь в Петушки, без сомнения, появились бы новые персонажи. Тот, кто был там, уже никогда не посмеет сказать, что русские – самая пьющая нация.

Позже мы поехали в ночной клуб, где случайно встретили и Рубена (видимо, культовых значных мест в Андорре-ла-Велья не так уж и много). На следующий день Альберто пригласил меня посетить термальные источники. Вот уж ради чего стоит ехать в Андорру! Если рай есть, то я была в нем на протяжении пяти часов, периодически перемещаясь из джакузи в сауну и обратно, забывая обо всем в теплой воде на фоне утопающих в облаках гор.

Рано утром уехала в Барселону, оставив Альберто записку. Обратила внимание, что все мужчины, у которых я останавливалась, были одинокими успешными холостяками в возрасте ближе к тридцати, каждый жил в огромной квартире и наслаждался жизнью. Немного таких я встречала в России. Здесь же то ли спрос на хороших мужчин невелик, то ли еще что. Так что теперь вы знаете, куда ехать за женихами.

Глава 5.

На юге Испании

Из Андорры я выезжала мучительно: ввиду национального праздника на улицах было много полиции, а трассу, ведущую в Испанию, периодически перекрывали. Пришлось пройти несколько километров, прежде чем обнаружилось место, с которого реально уехать. Зато в конечном итоге до Барселоны я доехала всего на одной машине – с испанским дедушкой, который плакал, слушая португальские песни. Более того, Винсент довез меня прямо до подъезда, выпил со мной и моим хостом пива на террасе («ну и что, что за рулем, одну баночку можно»), написал мне свой адрес и попросил прислать открытку из Дании. Не знаю, откуда в его горячем сердце мечты о холодной и далекой скандинавской стране... Обещанную весточку я отправила из Копенгагена примерно через полтора месяца.

Моим хостом был вьетнамский мальчик Ньонг, семья которого переехала в Будапешт, когда ему было восемь лет. Вся жизнь Ньонг прожил в Венгрии, однако три месяца назад ему захотелось перемен, и он переехал в Испанию. В Барселоне мой новый товарищ снимал комнату в квартире, при этом его соседи крайне негативно относились к идее каучсерфинга, поэтому им я была представлена как старая подруга. С такой ситуацией я позже столкнулась еще несколько

раз, и могу с уверенностью сказать, что почувствовать себя комфортно в обстановке подозрительности и недоверия достаточно сложно.

В Барселоне со мной не происходило ровным счетом ничего особенного: я много спала, много ходила по городу, последовательно и очень по-туристически изучала столицу Каталонии, по вечерам пила сангрию с Ньонгом, неизменно слыша злосчастное «на здоровье» вместо тоста. На сегодняшний день я поняла, кого следует в этом винить. Готовы? Субтитры и польский язык. Я своими глазами видела, как на экране телевизора очередной русский мафиози из американского боевика выдает именно эту фразу. Почему? Потому что так говорят в Польше, а все славянские языки для тех, кто не говорит хотя бы на одном из них, неразличимы. Na zdrowie, друзья мои.

Тем временем, мои ожидания разбивались о жестокую реальность. В моем мире Барселона была городом, в котором испанки танцуют фламенко, кожа плавится от жары, а страстные мачо выстраиваются в очередь с сотней роз в руках. Ничего подобного я так и не увидела, даже температура воздуха была весьма терпимой. Барселона показала мне другую свою сторону, ту, где в домах с высокими потолками до сих пор функционируют старые механические лифты, на улицах растут пальмы, толпы туристов стоят в очередях к достопримечательностям, архитектура поражает воображение, а женщины – сердце. Хороший урок: приезжая

в новый город, ничего не ожидай и на что не надейся. Почти тюремное «не верь, не бойся, не проси». Самые потрясающие вещи случались со мной там, где я меньше всего этого ожидала, а те места, на которые я возлагала большие надежды, не отметились в моей душе ничем, кроме точки на географической карте.

Тем не менее, я не стану отрицать, что Барселона хороша. Даже несмотря на сотни маниакальных туристов в парке Гуэль, творение Гауди вызывает восхищение. Готический квартал тоже весьма колоритен, но после Венеции, которая вся – один сплошной готический квартал, удивиться не получилось. Из моих личных радостей – наличие ничем не примечательной площади Джона Леннона. Let it be.

В последний день я попала на национальный праздник Каталонии, по случаю которого, кажется, все местные жители взялись за флаги. Такое единство, что душа радуется, а все оттого, что дружить против кого-то всегда веселее: каталонцы вот дружат против всей остальной Испании, упорно отстаивая право на собственную независимость. Но по мне, статуса отдельной страны заслуживает Андалусия – подобной самобытности и специфичности я не видела ни в одном другом регионе страны.

После праздника я встретила с Дэнни – одним из самых странных и специфичных каучсерферов, с которыми меня сводила жизнь. Его профиль на сайте пестрел неоднозначными отзывами, от полных любви до полных ненависти,

сам же персонаж не переставал удивлять меня еще в рамках заочного интернет-знакомства. В реальности Дэнни оказался таким же безнадежным и волшебным, как Шурик – моя когдатощняя большая любовь. Они не только были похожи внешне, но и вели себя одинаково, здороваясь с незнакомыми людьми и посылая воздушные поцелуи барышням. Хвала богам, что я не приняла приглашение остановиться в его доме: общение очень быстро стало чрезмерно навязчивым, удушливым стал даже аромат сладкого дешевого парфюма, от которого следующие несколько часов я не могла избавиться, как ни пыталась.

Утром пятого дня я выехала в Валенсию, ни на секунду не жалея о том, что провести его придется не на улицах Барселоны, а в дороге. 350 км показались мне вечностью – я добиралась восемь часов, причем не без приключений. Мальчик Филиппе завез меня в небольшой испанский городок Сиджес, где мне пришлось лицезреть нудистский гей-пляж, пока он курил марихуану и всё время повторял «solo maria, solo maria»¹³. К тому моменту английский вокруг благополучно закончился, а по-испански я не знала ни слова, так что квест «прокатись по Испании автостопом» стал еще интереснее. Докурив, Филиппе привел меня к своему наркоторговцу – престарелому гею, который подарил мне пачку печенья и банку «Фанты». Я все никак не могла понять, на что

¹³ Solo maria, solo maria (исп.) – только мария, только мария, при этом «мария» – ласковое сокращение от марихуаны.

больше стала похожа моя жизнь – на сказку или на анекдот.

В Валенсии мне повезло оказаться в исключительно итальянском обществе. Гостил меня Даниэле – тридцатисемилетний итальянец, большой поклонник парфюма от Versace и романов Достоевского. Гремучая смесь. Называл он меня не иначе как «amore mia»¹⁴, и вдохновенно одевал в свою одежду, пока моя находилась в стирке. На вопрос, почему у него нет домашних животных, ответил: «У меня слишком маленькая квартира». Маленькая – это три спальни, две ванные комнаты и балкон». В те же дни у него останавливалась девочка Юля из Екатеринбурга, которая настолько плохо ориентировалась в пространстве, что постоянно звонила со словами «Привет! Я не знаю, где я. Как мне найти дом? Рядом со мной парк с утками/улица с магазинами/огромный кинотеатр». В результате каждый раз, когда мобильный телефон начинал издавать звуки, Даниэле нервно вздрагивал.

В такой веселой компании мы пошли на ужин в итальянский ресторан Limoncello. Хозяин заведения, Габриэле, переехал в Валенсию с Сицилии. Разумеется, он невероятно вкусно готовит, знает поименно всех посетителей, и нередко присаживается рядом попробовать собственную стряпню. Кроме того, у Габриэле есть своя футбольная команда, которая так и называется – Equipo Limoncello¹⁵. В состав команды входят непосредственно завсегда и заведения, в том

¹⁴ Amore mia (ит.) – любовь моя.

¹⁵ Equipo Limoncello (ит.) – команда Лимончелло.

числе Даниэле.

Времени играть в футбол у него достаточно – он выиграл 2000 евро в национальной лотерее и решил отдохнуть пару месяцев, ничего не делая. Каждое утро мы просыпались, не спеша завтракали на балконе, и ближе к обеду выходили в город. Во время сиесты Валенсия вымирает, поэтому на пляж мы ездили по пустым улицам, засаженным апельсиновыми деревьями. Вернувшись однажды домой, обнаружили, что моя белоснежная кожа стала розовой и беспощадно болит даже при легком прикосновении. К счастью, кто-то из веселой компании собравшихся у Даниэле в тот вечер итальянцев, вспомнил мудрый бабушкин совет: сгоревшие части тела нужно обработать виноградным уксусом, которым приправляют салаты. Невероятно, но это подействовало, причем моментально – лучше любых кремов и всего, что я пробовала до и после.

В последний день в Валенсии я познакомилась с Ольгой, живущей в Испании уже десять лет. Совершенно не зная языка, она решила рискнуть, и в возрасте двадцати трех лет переехала на испанское побережье, оставив родной Калининград. Год назад у нее родился сын, которого она воспитывает одна. Правда, отец ребенка все равно помогает, поэтому последние два года она не работала. Сейчас, когда сидеть дома надоело, Ольга подрабатывает официанткой, попутно обучаясь на косметолога. Спрашиваю: «Не жалеешь, что покинула Россию?». «Нет, я не хочу возвращаться. Здесь

спокойно, море рядом».

Знакомый из Москвы написал мне: «Ты не делаешь ничего, чтобы закрепиться в Европе». Он был прав. Я окончательно отказалась объяснять свои поступки логикой, выбрав жизнь по сердцу. Я чувствовала, что еще не готова остановиться где-либо, меня полностью накрыло ощущение, будто всё началось только здесь и сейчас, и я просто не могла от этого отказаться.

Ранним утром я снова стояла на трассе. От Валенсии до Гранады – 500 километров. По меркам Европы – много. По меркам Андалусии, где даже дышать горячо и не покидает ощущение, что легкие тлеют – тем более. О том, что я опрометчиво отказалась от полуторалитровой бутылки воды, которую мне предлагал один из водителей, я пожалела уже через час, умирая от жары где-то посреди Испании. Тем не менее, погибнуть от обезвоживания или солнечного удара я не боялась: к тому моменту я уже знала, что безвыходных ситуаций не бывает. Мир никогда не оставит тебя и никогда не даст пропасть, какое бы отчаяние ни разрывало душу.

Примерно через полчаса я села в белоснежную ауди к Сильве – сорокачетырехлетнему бизнесмену из Мадрида. Ночью он поругался со своей барышней и уехал, куда глаза глядят. Вместе мы проехали километров семьдесят: поняв, что любовных приключений ему не светит, Сильва с сожалением сообщил, что нам не по пути. С женским ав-

тостопом в Испании вообще большая беда. Всех искренне удивляет, почему ты не желаешь воссоединиться в пламени страсти прямо здесь и сейчас, безотлагательно. «Por qué no?»¹⁶ – недоумевая, вопрошают испанцы, ставя своим вопросом в тупик. Как объяснить с помощью жестов и пары-тройки известных слов то, что кажется очевидным любому здравомыслящему человеку? Повезло мне только с последним водителем. Он довез меня до города, показав по дороге страусиную ферму, и даже помог найти дом, в котором меня уже ждал Марсиус – один из самых неоднозначных моих хостов.

Рассказать о его квартире и образе жизни в двух словах невозможно. Мир Марсиуса неопишум во всех смыслах. Все в нем – треш, угар и содомия, а шкаф залеплен фольгой и заставлен горшками с травой. Ну, той самой, которая Мария. Сам Марсиус – волшебный старый растафарай из Бразилии, натурально ангел, только с дредами вместо нимба. Сразу видно – человек последние лет двадцать пять неистово наслаждается жизнью. Называл он меня попеременно то сумасшедшей леди, то мадруской. Второе являлось вольной интерпретацией слова «матрешка», означая при этом почему-то матушку.

Тем же вечером черт меня дернул в теплой компании пси-

¹⁶ Por qué no? (исп.) – почему нет?

хов из разных стран снова попробовать марихуану, отношения с которой у меня никогда не складывались. Возможно, ошибка моя заключалась в том, что перед этим я залила организм пивом, но следующие несколько часов я познавала персональный ад, обещая висевшему на стене Иисусу, что больше никогда не буду пытаться открыть неведомые конопляные горизонты, ибо ничего, кроме мучений, они мне не сулят. Обещание свое я, кстати, сдержала: с того самого дня марихуана для меня – однозначное табу, и вовсе не потому, что я такая принципиальная, а потому, что она не приносит мне никакого удовольствия. Тогда же я засыпала вопросами знакомого мальчика, который, я знала наверняка, часто курит. «Когда же меня отпустит, Ярослав? Что сделать, чтобы стало хоть немножечко легче?». Помог классический рецепт. Таким образом, благодаря двум пальцам во рту мне удалось выжить, и утром я отправилась изучать город.

В Гранаде нет моря, однако именно там я по-настоящему почувствовала Испанию. Даже сейчас я не до конца понимаю, в чем тут секрет – вроде магазины те же, те же площади, но гуляя в одиночестве по улицам и взрываясь от 35 градусов в тени, я всё больше погружалась в Испанию – аутентичную, дикую и своевольную. Дополнительный шарм придавали невероятные рисунки на стенах. Как позже рассказали мне местные, художник разукрасил город, после чего его талант оценили и пригласили работать в Нью-Йорке. Он уехал, но цветные стены остались стоять на своих местах.

Бродя по перекресткам, наткнулась на обувной магазин со смешными ценами, и всего за 18 евро купила черные туфли на высоком каблуке – идеальную пару для единственного платья, которое у меня было. Собирая рюкзак перед путешествием, я решила, что за приключениями нужно отправляться максимально подготовленной, поэтому и платье взяла самое лучшее – вечернее от Karen Millen. Марсиус и его накуренные друзья еще раз сообщили мне, что я сумасшедшая, но на этот раз с восхищением: каблуки для них являются своеобразной экзотикой, так как между удобством и красотой местные женщины выбирают первое.

Как ни жаль мне было покидать веселый балаган добряка Марсиуса, но дорога ждала. К тому моменту я уже смирилась с плохим автостопом в Испании. Помимо приличных с виду отцов семейства, которым я без устали повторяла, что автостоп – это не синоним секс-туризма, ужасно раздражало нежелание водителей останавливаться. Даже будучи одинокой девочкой, я проводила на обочинах довольно много времени. Именно поэтому несчастные 250 километров от Гранады до Тарифы превратились для меня в семичасовое мучение. Но, в конце концов, я, конечно, добралась до этого прибрежного города, о котором Пауло Коэльо написал в одном из своих романов: *«Над маленьким городком Тарифой возвышается старинная крепость, построенная еще маврами. Если взойти на башню, откроется вид на площадь, где стоит лоток торговца кукурузой, и на кусочек африканско-*

го побережья. И в тот день на крепостной стене сидел, подставив лицо восточному ветру, Мелхиседек, царь Салима»¹⁷. Я хотела увидеть своими глазами пролив Гибралтар и Марокко, море с одной стороны, и океан – с другой, посмотреть на возвышающуюся вдалеке крепость, над которой кружат десятки чаек. Тарифа оказалась такой, какой я ее и представляла – местом загадочным и неоднозначным.

Петляя по улицам в поисках нужного адреса, я познакомилась с босоногим мальчиком по имени Сантьяго. Точно так же зовут и главного героя «Алхимика». Магический реализм в действии. Но на этом поэзия закончилась и началась проза. Весьма, впрочем, ироничная. Моему новому другу было 32 года, жил он вместе со смышленной беспородной собачкой Тарой, подрабатывал развозчиком пиццы, безбожно курил траву, кусты которой стояли в каждом углу двора, а в свободное время продавал ее в Гибралтаре. «Бизнес», – шало улыбался Сантьяго и разводил руками. Не так давно он расстался с девушкой после семи лет серьезных отношений, и его жизнь превратилась в бесконечный марафон серфинга, женщин, вечеринок, травки и алкоголя. Туалет в его доме существовал отдельно от двери. Дискомфортно, зато по ночам видно звезды. Именно с Сантьяго я провела большую часть времени, привлеченная его искренним гедонизмом и какой-то потрясающей расслабленностью, когда любые возникающие дилеммы измеряются масштабами покуп-

¹⁷ Цитата из романа бразильского писателя Пауло Коэльо «Алхимик».

ки вина. Красное или белое, бэйби? Don't worry, be happy.¹⁸

Впрочем, если быть совсем честной (что я и пытаюсь делать в этой книге), поэзия не закончилась после того, как я узнала имя Сантьяго. Я влюбилась в него, и как минимум пару недель это было серьезно. Затем я решила, что пора заканчивать, и собственноручно уничтожила весь романтический флер вокруг этой истории, представляя ее как сомнительную интрижку с наркоториком. Проговаривая это вслух новым знакомым, я почти физически чувствовала, как разжимаются тиски вокруг сердца. Умение смеяться над тем, что может причинить боль, избавляет от боли.

Останавливалась я в эти дни у русского мальчика Андрея, который бросил все и переехал в Испанию шесть лет назад. В Тарифе он работал инструктором по серфингу, и возвращаться на родину не планировал. Его несложно понять, ведь быть счастливым в этом городе намного легче, чем где-либо еще: утром ты идешь пешком в уютное кафе, хозяин которого здоровается с тобой за руку, рядом бежит твоя собака, потом ты находишь себя у моря, даже зимой, а каждый новый день – солнечный, и на набережных сидят рыбаки... Добраться до Танжера можно всего за час, а не хочешь гулять по арабским рынкам – приходи вечером на пляж, посмотри, как играют на песке дети, и как садится солнце, а после послушай, как улицы заполняет музыка.

¹⁸ Don't worry, be happy (англ.) – не переживай, будь счастлив.

Тем не менее, Андрей почему-то не выглядел очень довольным жизнью, со стороны казался одиноким, но принявшим собственное одиночество, и не думавшим о нем. Именно поэтому его советы звучали для меня пустыми словами, ведь только счастье – единственный показатель и единственная мера. Люди, от которых не исходит свет, люди, которые дают рекомендации и учат жизни, не замечая, что их правила не работают – плохие советчики. Как может авторитетно говорить о любви человек, который не разделил ее ни с кем? Стоит ли доверять тому, кто учит, как зарабатывать деньги, не имея в кармане и гроша? Разумно ли прислушиваться к мнению о том, как надо жить, если глаза у собеседника давно потухли, а сам он не помнит, когда был счастлив последний раз?

Общения с Андреем я избегала, проводя большую часть времени с сумасшедшей бельгийкой Лолой, гостившей в его доме одновременно со мной. Лола, как и я, передвигалась по миру автостопом, но во всем остальном мы были абсолютно разными. Она обожала готовить и курила гашиш с четырнадцати лет, рассказывая между плитой и очередной самокруткой на углу улицы, о своих планах исколесить всю Африку – вплоть до Камеруна. Вместе с ней мы гуляли по ночной Тарифе, заполненной популярными песнями, тесными барами, широкими танцполами. В ходе наших передвижений из одного бара в другой Лола периодически просила меня стрельнуть у кого-нибудь сигарет, воодушевляя криками

«Go, Russian girl!»¹⁹. Эти слова позже станут припевом случайной песни, которую посвятят мне и этой испанской ночи двое музыкантов из Буэнос-Айреса, встреченных у высокогорных озер Аргентины. До сих пор не знаю, почему, но я отчетливо помню всё, что было тогда: предчувствие большой дороги, пропитанные запахом марихуаны улицы, безумный взгляд Лолы, ее жажду жизни и бесконечные рассказы о путешествиях.

Незадолго до моего отъезда из Тарифы Лола вручила мне «блокнот путешественника». Каждый из тех авантюристов, к кому попадала записная книжка, рассказывал в ней о себе, а после передавал следующему – тому, кого считал достойным. Я отдала ее своей хорошей подруге и попутчице Настасье, когда мы встретились в Мадриде. Но что с блокнотом сейчас, и какой путь он проделал, мне неизвестно. Кроме того, Лола выдала мне тонны полезной информации о том, как лучше и дешевле оказаться в Латинской Америке, а также поведала о тонкостях автостопа на этом удивительном континенте.

Итак, если вам нужно максимально бюджетно улететь из Европы на Кубу или Ямайку, идеальный вариант – бельгийские авиалинии Jetairfly (при покупке за пару месяцев билет в одну сторону можно урвать за 250 евро). Если вариант с вылетом из Брюсселя по каким-то причинам не подходит, езжайте во Франкфурт – улететь оттуда в Рио-де-Жаней-

¹⁹ Go, Russian girl! (англ) – иди, русская девочка!

ро с Condor Airlines можно всего за 300 евро. Не ищите легких путей, жаждете испытать судьбу и хотите приключений? Тогда ваша цель – Гибралтар или Канарские острова, откуда есть шанс уплыть на паруснике бесплатно. Признаю, эта возможность кажется мне наиболее сомнительной во всех отношениях, всё-таки двухнедельное плавание по Атлантике «за спасибо» – весьма утопично, но Лола клятвенно заверяла, что это на 100% осуществимо. Решитесь попробовать – не забудьте об английской визе: хоть пограничники и не спрашивают паспорта у всех, кто пересекает границу Гибралтара, город по-прежнему является частью Великобритании. С этими ценными знаниями я, наконец, была готова оставить позади самую южную точку Европы, где море холодное, а солнце обжигает кожу.

Автостоп, как всегда, начался ранним утром. Пожалуй, необходимость просыпаться на рассвете и искать выезд из города – один из самых серьезных минусов передвижения на попутках, во всяком случае, для меня. Еще не нравится перебегать автобаны, а это тоже периодически случается делать из-за собственной рассеянности. В Тарифе автобана нет, дорога двухполосная, однако мне отчаянно не везло. Всю ночь дул сильнейший ветер – благословение для серферов и проклятие для путешественников, утром ситуация не изменилась. Дополнительной проблемой стало празднование некоего религиозного праздника, в связи с которым почти все население города отправилось пешком ку-

да-то за 4 км от Тарифы. Конечно же, прямо по трассе, которую специально для этого перекрыла полиция. В результате я еле удерживала рюкзак, сносимый ветром, в то время как сотни счастливых испанцев тащили мимо статую Девы Марии. Моим спасением стало семейство на Porsche: сидевшая за рулем девочка не так давно вернулась из шестимесячного автостопного путешествия по Азии и примерно представляла себе мои ощущения. Не могу сказать, что ее родители были очень рады – настроенные весьма консервативно, сами бы они никогда не подобрали автостопщика. Тем не менее, впечатленные моей историей, они сменили гнев на милость и превратились в одних из самых благожелательных людей в мире.

Следующий водитель высадил меня не на автобане, а на второстепенной дороге. Руководствовался он при этом исключительно лучшими побуждениями, так как со скоростного шоссе велика вероятность уехать на полицейской машине. Простояв там полтора часа и перепсиховав, я таки выползла из последних сил на хайвэй. Признаюсь, стоя на автобане, я мечтала о тех днях, когда автостоп по Испании останется в прошлом – в воспоминаниях и рассказах. Однако не прошло и нескольких минут, как рядом со мной по собственной инициативе остановилась Audi. Сразу сообщив, что я не проститутка, отправилась в сторону Севильи с Синуэ – испанцем, который (конечно же) не говорил по-английски. Незнание языка он компенсировал невероятным

дружелюбием, и даже пригласил переночевать у него. Обычно я стараюсь избегать подобного развития событий, но могу сделать и исключение. В данном случае выбирать не приходилось: до Лиссабона оставалось более 400 километров, а с учетом того, что предыдущие 200 километров я ехала 7 часов, у меня были все шансы провести ночь на дороге. Синуэ внушал доверие, рассказывал про дочь и обещал купить билет на автобус до португальской границы. Взвесив все за и против, я поехала с ним в Севилью, на которую в тот день будто бы упало солнце. 43 градуса в конце сентября серьезно мешали оценить красоты города, и настоящий экстаз я испытала на мягком диване с банкой холодной колы в руке. Утром Синуэ купил мне билет до Фаро, и в 7.30 я выдвинулась в сторону португальской границы.

Глава 6.

До Лиссабона – и обратно

В Португалию я приехала в одиннадцатом часу утра по местному времени. Дойдя до выезда из города, поняла, что боюсь даже поднимать руку: вдруг 270 километров до Лиссабона обернутся завтрашним днем? Да, автостопный опыт в Испании немного пошатнул мою уверенность в том, что уехать можно откуда угодно и куда угодно, плюс я уже успела наслушаться о том, что в Португалии все ненамного лучше. Тем не менее, через минуту меня подобрал Николай, когда-то живший на Украине и ожидающий португальский паспорт сейчас. Второй и последний в этот день водитель – дальнбойщик Жузэ. Очередное интересное наблюдение: можно сколько угодно рассуждать о менталитете и разнице характеров, но дальнбойщики одинаковы в любой стране. Все они думают о семье, пересекая километры, все норовят накормить, предлагают помощь, здороваются с другими дальнбойщиками, когда те проезжают мимо. Жузе передал меня с рук на руки Эрику – бизнесмену, ценителю хороших вин и гордому отцу двоих детей, давшему мне прозвище «damsel in distress» – «девица в беде». О том, что компанию нам составят его сыновья, я не знала. Новость об этом порядком меня напрягла: в ситуации, когда передо мной стоит задача активно взаимодействовать с ребенком, я

впадаю в ступор. Когда речь идет о двух детях – мной овладевает ужас. Португальские мальчишки девяти и двенадцати лет заставили меня бороться с позывами немедленно сбежать. Я боюсь подрастающего поколения, не знаю, что ему говорить и как себя вести, чтобы никто из нас не чувствовал себя идиотом. Сюсюкать не получается при всем желании, и обычно я разговариваю с детьми, как если бы они были взрослыми.

Опасалась я не зря: пока младший сын Эрика, лапочка Мартин, послушно рисовал кузнечиков, его старший брат неприязненно целился в меня из пистолета с пластиковыми пулями. Скорее всего, сказывалась ревность к отцу, который развелся и жил отдельно. Кроме того, я приватизировала интернет, который почему-то не распространялся одновременно на несколько компьютеров. Том злился, так как не мог ответить на сообщение двадцатисемилетней француженки-пожарной, предыдущего каучсерфера. Похоже, я невольно помешала первой робкой любви. В общем, безобидный вечер обернулся для меня пыткой. Словами не передать, как я была рада, когда он закончился.

На следующий день пришлось сразу две важных даты – день рождения мамы и первый путешественнический юбилей. Ровно месяц назад я оставила Москву. За это время я потратила 110 евро. Самой значительной и вместе с тем самой бессмысленной покупкой стали великолепные туфли за 18 евро. Было посещено 6 стран (Италия, Швейцария,

Франция, Андорра, Испания, Португалия) и 13 городов (Верона, Венеция, Цюрих, Женева, Лион, Марсель, Андорра ла Вилья, Барселона, Валенсия, Гранада, Тарифа, Севилья, Лиссабон). Темп был взят хороший, однако дальнейший маршрут в Южную Америку всё еще был неясен. Я планировала зайти в порт и поговорить с моряками на предмет того, реально ли составить им компанию в плавании по Атлантике. Пообщаться с владельцами парусников мне удалось на второй день пребывания в Лиссабоне: в первый я обнаружила, что порт огорожен, и подойти к судам невозможно. Подходить, впрочем, тоже было не к кому – горизонт был закрыт огромными круизными лайнерами. На парусники я наткнулась позже, но и тогда на контакт со мной вышел только один человек, который сообщил, что иногда лодки отправляются в Южную Америку и действительно могут взять пассажиров, но. Но нужна лодка с большой командой (4—5 человек) и мне необходимо хорошо знать капитана, в противном случае через Атлантику лучше лететь, иначе я рискую обрести много нежелательной любви в эти пару недель. Таким образом, от идеи плыть на другой континент я отказалась. Соответственно, нужно было найти дешевый билет на самолет.

С набережной я отправилась в город, и город был прекрасен. Если свернуть с главных туристических улиц в необозначенные на карте узкие переулки, детские крики начинают перемежаться с музыкой фламенко, громко звучащей из старых машин. Заблудившись среди домов, краска на стенах ко-

торых облупилась, кажется, еще сотню лет назад, встречаешь только стариков и кошек – и те и другие были здесь всегда, и те и другие будут здесь, когда ты уедешь. Отправившись в дождливый полдень дальше, не увидишь и их: лишь редкие автомобили проезжают мимо как напоминание о том, что ты жив и рано или поздно найдешь других живых. Вернувшись на центральные улицы, можно за несколько евро почистить ботинки. И бесплатно прокатиться на трамвае. Нет, за публичный транспорт в Португалии необходимо платить, но у населения просто нет денег, поэтому толпы безбилетников запрыгивают на подножки аккуратно после того, как трамвай закрывает двери. Учитывая то, что проезд в Лиссабоне стоит 2,85 евро (почти столько же, сколько в Швейцарии), я их не осуждаю.

Неожиданно для самой себя я поняла, что самые удивительные истории ожидали меня в маленьких городах, европейские же столицы то ли по странному совпадению, то ли будучи частью загадочной закономерности, оставались для меня лишь красивыми видами с открыток, заглянуть куда мне было позволено из-за кулис и совсем ненадолго. Я не могла разглядеть лица актеров и проникнуться их игрой, у меня не было возможности увидеть представление от начала до конца. По-настоящему мне открылись только Женева, Марсель, Гранада и Тарифа – каждый из этих городов до сих пор значит для меня что-то важное. В Лиссабоне же со мной не произошло решительно ничего особенного: никто не вы-

ращивал в соседней комнате кусты конопли, потрясающие мужчины не случались так же внезапно, как случается после бурных выходных понедельник, все туалеты имели не только двери, но и замки. Впрочем, кое-что все же выходило за границы нормального: на заправках за 5 евро продавались кассеты. Кассеты. Даже не диски. Те самые, из 90-х, которые мы перематывали обратно с помощью ручек или карандашей. Видимо, бреши в пространственно-временном континууме возможны, и искать их следует в далекой Португалии.

То, как я добиралась из Лиссабона в Мадрид – история для отдельного поста, настолько много в ней было событий. Началось все утром, и началось плохо: вместо легкой дороги меня ожидал полицейский патруль. Доблестные португальские молодчики сняли меня с хайвея (излюбленного места для автостопа), предварительно переписав данные паспорта, и отправили в пригород Лиссабона. Около часа я в отчаянии металась среди местных автовладельцев в попытке найти выход из ситуации и из города, но помочь мне никто не хотел. В результате я рискнула снова подобраться к хайвэю, но уже в другом месте. Уехала почти сразу, зверски сломав систему: 600 км от одной столицы до другой были сделаны всего за 9 часов. Для сравнения: на юге Испании я убивала порядка 7 часов на дистанцию в 250 километров.

Однако самое интересное произошло со мной вечером. По милости дальнобойщика, с которым я ехала последние 300 километров, на закате я снова оказалась на хайвэе, всего

в 20 километрах от Мадрида. Стемнело довольно быстро, автобусных остановок в пределах видимости не было, машины не останавливались. Идеально. Дальше случилось то, за что я так страстно люблю свободные путешествия. Меня подобрал Аби – добрейший арабский мужчина, который на следующий день улетал в Джордан. В Мадриде у него были бывшая жена и дочка, поэтому он жил на две страны. На ребенка, кстати, не претендовал, что удивило: думаю, все наслышаны о злых арабах, забирающих детей после развода.

Аби предложил поужинать вместе, а после отвезти меня к мальчику, у которого я планировала гостить. Магия жизни: мгновение назад я в сумерках стояла на автобане, а уже через пятнадцать минут сидела в суши-баре, с жадностью голодной лисицы поглощая роллы и острый рис. «Wonderful, wonderful life...»²⁰. На этом приключения не закончились: Аби настолько проникся нашей встречей, что на следующие выходные позвал меня вместе отдохнуть в Джордан, а также оплатил мне хостел в центре города. От совместного путешествия я вежливо отказалась, а от перспективы провести несколько дней одной – не смогла. К счастью, мой хост не обиделся, и мы встретились в городе позже. На прощание Аби вручил мне 10 евро на интернет, потому что в хостеле Conchita вай-фая не было.

На следующий день я встретила с Настасьей, которая наконец-то добралась до Испании, и с которой у нас были

²⁰ «Wonderful life» (англ. «удивительная жизнь») – песня группы Black.

огромные планы на Латинскую Америку. Мадрид ждал нас, ждали нас местные кудрявые мучачосы, и вкуснейшее вино, которое мы пили большими глотками – за встречу, за дорогу, за все, что было, за все, что будет.

Глава 7.

На севере Испании

С Настасьей мы познакомились на нашей общей исторической родине – в городе Комсомольске-на-Амуре. В 2008 мы практически одновременно переехали в Питер, только она поступила на первый курс, а я перевелась на третий в РГПУ им. Герцена. Так как шенгенскую визу Настасье открыли всего на месяц, этот месяц она решила провести в Испании, куда ее тянуло с детства. Свой приезд в Мадрид я подгадала к ее самолету.

Первые несколько часов после встречи замолчать мне никак не удавалось: смакуя на языке каждое русское слово, я захлеб рассказывала о городах, в которые влюбилась и об удивительных людях, которые мне встретились. Следующие несколько часов мы гуляли по осеннему Мадриду, который на первый взгляд мало чем отличался от выхолощенного Милана: все очень мобильно, красиво и дорого, разница лишь в том, что в магазинах и на улицах вместо «bonjorno» слышится «hola».

Вместе с Настасьей мы еще раз проверили цены на билеты в сторону американского континента и попытались худо-бедно составить маршрут грядущего путешествия. Самые недорогие билеты были из Франкфурта на Кубу или на Ямайку (250—300 евро в одну сторону). Но нам они не подо-

дили, так как мы решили двигаться снизу-вверх, от Аргентины до Колумбии. Улететь в Буэнос-Айрес в один конец стоило примерно 650 евро (по старому курсу что-то около 27 тысяч рублей). Я непрестанно думала о том, что даже если найду где-то эти деньги, из самолета, судя по всему, выйду с абсолютно пустыми карманами. Тогда мы всерьез начали рассматривать возможность подработать в Южной Америке, что было едва ли не большей авантюрой, чем само наше путешествие – никто из нас не говорил по-испански. Вооружены мы были лишь знаниями, почерпнутыми из шестнадцати видеуроков, и привезенными Настасьей разговорниками. Этого хватало, чтобы сообщить окружающим о том, что я хочу некоего мучачо, и что шов на моих сандалиях разошелся.

Откровенно говоря, мы не знали, чего ожидать от Латинской Америки, и не были к ней готовы, поэтому очень обрадовались возможности встретиться с колумбийцем Рикардо, переехавшим в Мадрид несколько лет назад. Наш новый друг успокоил нас, развенчав мифы о том, что в его прекрасной стране иностранцев либо убивают, либо отправляют в рабство к наркоторговцам. Он же рассказал нам о том, что после шести часов вечера любой желающий может бесплатно попасть в музей Прадо – расположенный в самом сердце испанской столицы один из самых известных музеев Европы. Не являясь ценителем классической живописи, я не ожидала от Прадо ничего экстраординарного, и зря. Именно там

выставлены оригиналы Иеронима Босха – «Семь смертных грехов» и «Сад земных наслаждений». По-настоящему впечатлил последний. Будь моя воля, я бы разглядывала знаменитый триптих бесконечно: животные без передних лап, люди и рыбы, люди в рыбах, рыбы в людях, чудесные розовые колбы, и все это под повторяющийся рефреном в голове голос Саши Васильева – *«где музыка Баха смешалась с полотнами Босха, и не дружат между собой полушария мозга»*²¹. Это было почти просветление.

Вечером, несмотря на то, что обычно я не хожу в ночные клубы и вообще не очень уютно чувствую себя на вечеринках, мне внезапно захотелось кутить. Возможно, всему виной Настасья, встретиться с которой в следующий раз мы должны были уже в Аргентине, а возможно – пятница в этом удивительном городе, где праздник наступает по умолчанию вместе с заходом солнца. Мадрид искрился, Мадрид звенел, заставляя пританцовывать и подпевать доносящимся из баров песням. Индусы продавали пиво, на площади Соль митинговали то ли за аборты, то ли против абортов, толпы нарядных веселых людей шли вверх по Гран Виа, такие же толпы шли им навстречу.

Ближе к полуночи мы познакомились с компанией колумбийских ребят, затем ушли от них к Серхио – мальчику с каучсерфинга, у которого остановилась Настасья. Серхио на тот момент организовал интернациональную вечеринку

²¹ Строчка из песни группы «Сплин» – «Прочь из моей головы».

в составе американки, преподающей английский местным школьникам, некрасивой, но доброй немецкой девочки, ее бойфренда, и Терезы. Тереза тоже была немкой, но совершенно прекрасной: ей было двадцать девять, ее мягкие щеки хотелось целовать, а танцуя, она повторяла «keep moving, keep moving»²². Она оставила Кельн и Германию ради Колумбии, улетев на следующий день в Боготу, где я встрети-лась с ней через полгода.

Накануне нашего отъезда мы попали под сильный ливень, от которого прятались под козырьком первого попавшегося дома, снимая дождливый Мадрид на видео. Неожиданно и весьма беспардонно в кадр влезла незнакомая голова и, спустя пару секунд тишины, выдала: «Привет». «Привет» знают многие, поэтому мы на всякий случай уточнили, говорит ли голова по-русски. Голова кивнула, значит, вопрос поняла. Завязался диалог. Виталий родился в Чите и переехал в Испанию, когда ему исполнилось двадцать. Меньше чем за год он выучил испанский, много лет жил и работал в стране нелегально, однако сейчас, когда ему стукнуло тридцать три, все документы привел в порядок, и со дня на день ожидал получения гражданства. Виталий жаждал вернуться в Россию, где его ждала девушка. Будучи простым русским парнем, он порядком устал от чересчур правильной по его меркам европейской жизни, но испанский паспорт так или иначе был нужен ему в качестве подушки безопасности, что-

²² Keep moving (англ.) – продолжай двигаться, не останавливайся.

бы был куда возвращаться. На прощание Виталий бросил: «Все равно вы вернетесь в Мадрид». Прозвучали его слова, как пророчество, которое действительно сбылось через полтора месяца.

В Сарагосу отправились вместе с Настасьей. Доехали быстро, в два часа дня уже были на месте, но без приключений не обошлось. Полиция интересовалась нами четыре (!) раза, при этом два из них нас сняли с хайвэя и отвезли на заправку. Один раз на языке жестов нам объяснили, что стопить на автобане чревато вечным сном. Объясняли именно так, повторяя по-английски «sleep»²³, и складывая у головы ладошки, а после изображая засыпание наших тел землей.

Добрались всего на двух машинах, при этом во второй ехали семь чумных испанских мальчиков, которые, если мы правильно поняли, предлагали подарить нам собаку. С ними нам наконец-то пригодилась известная фраза «Adios, amigos!»²⁴. Невозможно представить себе более подходящий случай блеснуть своими скудными знаниями языка.

В общей сложности я провела в Испании три недели, и Сарагоса стала седьмым, завершающим городом этой жаркой и запоминающейся эпопеи. Впечатлиться ею мне так и не удалось: максимум, который я увидела – красивые площади и средневековая застройка. Главная достопримечательность, кафедральный собор, почему-то напоминал

²³ Sleep (англ.) – спать.

²⁴ Adios, amigos! (исп.) – до свидания, друзья!

Кремль, и не мне одной: Настасья долго не могла выбрать открытку, ибо на каждой ей чудилась Москва. После сумасшедшей и жаркой Андалусии, которую так легко любить уже за ее самобытность, Сарагоса брала людьми.

Настасью гостили веселые польские девочки, Катажина и Каролина. Шутки ради, мы говорили с ними по-русски, а они отвечали нам по-польски. Понимали мы примерно половину, особенно радуясь, когда в разговоре промелькивало слово «склеп», то есть «магазин». Сам же склеп на родственном славянском языке – это «трупная». Поделившись с девицами информацией о том, как зловеще для нас звучит предложение сходить в магазин, мы долго наслаждались их шокированными лицами.

Я остановилась у мексиканца Баку, который живет в Испании уже семь лет, и даже успел получить гражданство. Как и все мексиканцы, Баку любил острую пищу, и, что менее типично – русских женщин. Причем тяга к последним была настолько сильна, что жениться в свои сорок Баку намеревался только на русской. Настроен он был настолько серьезно, что в октябре собирался лететь в Питер искать супругу. Вкладки в его браузере пестрели брачными агентствами с фотографиями потенциальных невест. Разумеется, я поделилась с ним своими размышлениями на тему подобных знакомств, являющихся, на мой взгляд, еще более сомнительными, чем мой автостоп, но охоты у жениха не поубавилось. Насколько мне известно, та его поездка так и не увенчалась успехом,

а через какое-то время он вернулся в Мексику.

Вечером накануне отъезда из Сарагосы Баку пригласил нас с Настасьей в колумбийский ресторан. Порядком устав от фастфуда, я соблазнилась супом. Тогда я еще не знала, что в Перу, Эквадоре и Колумбии еда – не еда без кинзы, а кинза – это единственное, что я не ем. Минут пятнадцать я развлекалась выуживанием из бульона мерзкой травы, которой, кажется, успело пропитаться все. Еще полчаса я пыталась запомнить, как сказать «кинза» по-английски и по-испански.

Электронные переводчики с русского на английский упорно предлагали «кориандр», что, конечно, далеко от истины, и правильный ответ я не знаю до сих пор. Зато с испанским проблем не возникло. «Кинза» по-испански – *cilantro* (силантро). Эта информация неоднократно спасала меня в латиноамериканских странах.

Из Сарагосы Настасья уехала вместе с Баку, так как по счастливой случайности ему тоже нужно было в Барселону. На свою дорогу я снова вышла одна. Мой путь вел во Францию. До границы я добралась относительно нормально, но вот пересечь ее без приключений не удалось – никто не останавливался более двух часов. Стоя у восьмикилометрового туннеля под холодным дождем, в какой-то момент я очень отчетливо представила себе ночь в спальном мешке все на той же набившей оскомину обочине. Несмотря на то, что на часах не было и полудня, настрой мой становил-

ся все мрачнее. Устав от бесплодного ожидания, разговорилась с французским пограничником, останавливающим фуры для проверки. Проникнувшись сочувствием к сумасшедшей русской, он сам начал спрашивать дальнобойщиков, куда они едут, и не против ли взять попутчицу. Таким образом, я оказалась в кабине с Руди, который и довез меня до Бордо, накормив по пути сэндвичами и морожеными. Руди знал пять языков, и был счастливым отцом трех дочерей, которых воспитывал один – жена сбежала из семьи к другому мужчине. Километров за пять до города он высадил меня на хайвэе и поехал дальше, в Бельгию. Я решила дойти до цивилизации пешком, однако табличку с надписью «Bordeaux» все равно проезжающим машинам показывала, хоть и шла при этом, не оглядываясь. Ровно через минуту остановилась машина. Здравствуй, Франция! Здравствуй, хороший автостоп и дружелюбные французы, провожающие от места до места, даже думая, что я англичанка.

Глава 8.

Франция: новое рандеву

Почти каждый, кого я встречала на своем пути, говорил мне, что я чокнутая, имея в виду путешествие автостопом без денег. Я, в общем, не спорила, но помогали мне такие же безумцы. Разве нормальный человек отпросится на пятнадцать минут с работы, чтобы передать незнакомой девочке ключи от своей квартиры, сообщить, что в холодильнике есть холодное пиво, и вернуться работать дальше? Да, именно так начался мой первый вечер во всемирно известной столице красного вина.

Моего гостеприимного хоста звали Кевин – имя, необычное для французов, но максимально офранцузенное благодаря ударению на последний слог. Он был типичным холостяком с прилегающей в таких случаях по умолчанию захламленной квартирой, и ужасно напоминал Сержа Генсбур²⁵. Когда я впервые озвучила это наблюдение, Кевин довольно улыбнулся и закурил очередную, кажется, тысячную по счету сигарету. Как и Генсбур, он курил столько, что у меня закралась мысль, будто вся табачная промышленность существует

²⁵ Серж Генсбур – французский поэт, композитор, автор и исполнитель песен, актер, кинорежиссер и сценарист. Помимо прочего, знаменит своими романами с самыми красивыми женщинами эпохи, среди которых была даже Брижитт Бардо.

лишь благодаря ему. Насчет такого же количества женщин, как и у скандального артиста, сказать ничего не могу, но видела, какими влюбленными глазами он смотрел на свою знакомую француженку-фею с тонкими запястьями и огромными глазами. В то время как он искал путь к ее сердцу, я гуляла по городу.

В Бордо в те дни была такая осень, что кроме нее я не видела ничего. Первые дни октября на севере Франции запомнились теплыми и почти бессолнечными. Я давно заметила, что солнце делает города безопаснее. Отсутствие оно-го – уравновешеннее. Может быть, именно поэтому теплые страны редко могут похвастаться хорошей экономикой. Пока где-то рядом есть море, а кожа всегда пропитана солью, меньше всего хочется думать о выживании, больше всего хочется жить. Я думала об этом, сворачивая с мощеных улиц в парки, утопающие в зелени, наблюдая, как целуются при встрече французы (даже мужчины), сидя на набережной в наступающих сумерках. Никому не было дела до того, говорю я «*excusez-moi*» или «*excuse me*», никто не нарушал интимность моего свидания с городом.

Через несколько дней я была готова ехать в Париж. Так как жизнь почти ничему меня не учит, я снова оказалась на хайвэе, откуда меня сняли доброжелательные полицейские, которые же и довели до ближайшей заправки. То ли сработали их пожелания доброй дороги, то ли я оказалась необыкновенно везучей, но 600 километров до французской

столицы я преодолела за пять часов, и всего на двух машинах. Во второй машине ехал китаец Шу, который на протяжении всего пути громко визжал в трубку что-то по-китайски и абсолютно не говорил по-английски. Тогда-то ко мне и пришло понимание, что Париж – весьма интернациональный город. Первое впечатление оказалось верным: половину населения составляют черные мальчики и девочки, постепенно вытесняя из головы шаблонный образ типичного француза.

До места встречи с Ксавье, моим хостом в Париже, я добралась раньше назначенного времени. Когда же мы, наконец, познакомились лично, был уже вечер. Сидеть дома было равносильно преступлению, поэтому мы пошли... Правильно, напрямиком к Эйфелевой башне. Не остановил нас ни крапывающий дождь, ни темнота на улицах. Купив билет за 3,5 евро, мы принялись карабкаться на второй этаж. В процессе я пару раз чуть было не скатилась со скользких железных лестниц, однако энтузиазма у меня от этого не поубавилось. Те, кто к подобным авантюрам был не готов, платили 6,5 евро за право подняться на самый верх башни на лифте. Но когда я искала легкие пути? Помню ветер, за секунды растрепавший волосы, помню Марсово поле и огни ночного Парижа...

Потом шли под дождем домой, а затем пили красное сухое – за встречу. Ксавье много рассказывал о себе. Он работал в музее, любил аниме, японскую культуру и философию.

ские труды – сказывался диплом, полученный на факультете философии в Сорбонне. За свою крохотную квартирку он платил 635 евро в месяц – копейки по меркам столицы. В последующие дни мы много гуляли вместе. Ездили в Версаль, но во дворец не ходили. Бродили по саду, фотографировали скульптуры, сидели у озера и учили друг друга дурацким фразам. Там-то я и запомнила абсурдное «Le cheval n'aime pas les hommes stupides, parce que les hommes stupides ne parlent pas français» – «Лошадь не любит глупых мужчин, потому что глупые мужчины не говорят по-французски». По-моему, вполне достойно находиться в одном ряду с возмущениями про сандалики на испанском. Вообще мне иногда самонадеянно казалось, что если, например, я задержусь во Франции хотя бы на год, обложившись букварями, и окружив себя говорливыми носителями языка, то сколько-нибудь сносно начну разговаривать уже через десять-одиннадцать месяцев. Впрочем, возможности проверить эту теорию мне так и не представилось.

Так как я приехала в Париж в начале октября, то смогла посетить Лувр бесплатно. Небольшой лайфхак: в первое воскресенье месяца любой желающий может прикоснуться к прекрасному без необходимости платить 12 евро за входной билет. Джокондой я не прониклась. Сдается мне, сделать это в принципе невозможно, стоя в толпе жадных до искусства туристов, отпихивающих друг друга локтями в попытке сделать кадр «Я и Мона Лиза». Примерно то же самое с Ве-

нерой Милосской, хотя у этой дамы поклонников намного меньше. По-настоящему запала в душу статуя Марии Магдалины. Несмотря на то, что по задумке автора она предстает нагой и раскаявшейся, сожаления на ее лице я так и не заметила. Напротив, с определенного ракурса Мария смотрит насмешливо и развратно.

Проведя несколько часов в Лувре, я почувствовала навалившуюся усталость. Я все чаще ловила себя на мысли, что от больших городов, огромных музеев и излюбленных туристических достопримечательностей хочется отдохнуть. Хочется позволить себе невероятную роскошь спать до двенадцати, валяясь на диване в ставшей почти родной квартирке рядом со станцией метро Boucicaut, и не винить себя за эту слабость. Кажется, я слишком много времени провела в столицах, и легендарные места трогали меня не больше, чем фотографии с открыток в сувенирных магазинах. Меня притягивали маленькие города, в которых все знают друг друга. Я скучала по Тарифе.

Возможно, что подобные настроения были вызваны не только дорогой (шутка ли, семнадцать городов за полтора месяца), но и антибиотиками. В те дни у меня случились некоторые проблемы со здоровьем, которые мешали мыслить здраво. Я отношусь к категории ипохондриков, которые, поцарапав ногу, начинают готовиться к гангрене, а головную боль принимают за кровоизлияние в мозг. Дополнительно соль на раны сыпали знакомые, «участливо» делив-

шиеся рассказами о похожем недуге, который закончился операцией. Мое воображение рисовало картины возвращения в Россию, что означало бы если не окончание, то длительный перерыв в путешествии. К счастью, медикаменты помогли, и думать о больничной койке я перестала. Однако отдохнуть по-прежнему хотелось. Буэнос-Айрес, в котором я планировала остановиться минимум на месяц, медленно превращался в заветную в мечту, ведь там мне не нужно просыпаться ранним утром, собирать рюкзак и искать дорогу до следующего города каждые несколько дней. Тем не менее, еще предстояло найти работу: я уже знала, что прилечу в Аргентину со 100 евро в кармане. В своей идеальной фантазии я преподавала иностранцам русский язык, являясь образцом лояльного и талантливого педагога. Видимо, для того чтобы во мне проснулся дипломированный учитель, надо было уехать из России. Впрочем, фантазии мои оказались далеки от реальности. Подробнее о том, как я пыталась заработать деньги в Буэнос-Айресе, я расскажу во второй части. Здесь анонсирую лишь то, что эта история давно стала притчей во языцех и добрым анекдотом.

Вспоминая Париж после того, первого раза, я не могла сказать ничего однозначного. Этот город оказался лишь перевалочным пунктом, очередным из, не поразившим меня, не ставшим тем местом, при воспоминании о котором сердце сладко ноет. Все это произошло много позже, когда я вернулась во Францию снова. Тогда же, пытаясь воссоздать в го-

лове образ города, где герои Кортасара искали друг друга, я натыкалась на разрозненные фрагменты: исхоженный вдоль и поперек район рядом с Эйфелевой башней; Лувр в солнечный день, когда я не могла открыть глаза на улице, потому что не взяла с собой солнечные очки; подсвеченное фонарями здание оперы в восемь часов вечера; танцующие брейк-данс мальчики на Елисейских полях; Монмартр, по которому с трудом можно пройти из-за огромного числа туристов.

Через несколько дней после того, как я уехала из Парижа, Ксавье написал мне письмо – такое красивое и нежное, что казалось, будто эта любовь обязательно должна была случиться. Поэт полюбил меня, но я не полюбила поэта. Однако я до сих пор испытываю странное чувство, думая о том, что однажды невольно стала музой для безумно талантливой человека, живущего в одном из самых удивительных городов мира, и вдохновила его на такие бесконечно искренние и прекрасные слова:

«Сколько дорог исхожено, и сколько пройдено уровней, сколько потерь и несчастий пережито, а те, кто рожден бежать, по-прежнему пересекают дороги между пунктирными линиями – сквозь дым, свет сигнальных огней, в протертых от времени джинсах...»

Изможденная, ты взбираешься вверх по металлическим пластикам нависшему над тобой небу, улыбаясь, идешь в английском платье с розой в руках, с уже увядшей розой. Сре-

ди карикатурной толпы замуженных женщин ты так естественно позируешь для фото на мосту Vir Naheim мне, автору этих слов, которые могут показаться бессмыслицей.

Что я увидел в тебе? Поток энергии или искру, вспыхивающую до того, как ты снова уснешь. О, эти сладкие сны! Я не хотел, чтобы ты уезжала. Если бы ты осталась еще хотя бы на несколько дней! Но мы увидели все, что должны были увидеть, услышали все, что суждено было услышать. Даже сейчас я помню все. Сказал ли я то, что хотел сказать? Нет, я утаил эти слишком робкие и безрассудные слова, которые нашли свое выражение в стихах и алкоголе. Невысказанные мысли забываются, но память заставляет возвращаться к ним снова и снова.

В песне, которая так тебе нравится, поется о том, что дорога – не место для любви, но есть ли любовь в конце пути? Познав мир, познаешь ли ты себя? Я мечтаю найти слова, которые могут выразить все мои мысли.

Уже три часа ночи. Она (ты) снится мне, но двери к ней закрыты. Я пытаюсь понять, что происходит, но чувства не поддаются доводам рассудка – так после фильма в темном зале ты погружаешься в тишину. Эмоции снова овладевают мной, но нужно встать, выйти на улицу, выйти на свет, в Париж, вернуться в жизнь, в реальность. Нужно забыть о сне до того, как он станет надеждой. Мы должны делать больше, чем просто мечтать, причем делать со сверхъестественной силой и желанием, неограниченным

эфмерными возможностями мечты – это один из тех уроков, которые она преподала мне.

Кажется, именно этот момент, когда пути двух людей пересекаются, называется перекрестком в жизни. Я испытываю страх перед равнодушием, перед тем, что она забудет обо мне, как только снова окажется на одной из своих дорог, на которых чувствует себя, как дома. Но это не имеет значения. Я ухожу, окончено мое путешествие. Это письмо – не о любви, а о том, как любить. Главное – уловить неповторимость человека, не желая обладать им, а восхищаясь, разжигая одновременно свой интерес к миру вокруг. Я не знаю, что может быть важнее. Мои слова – это не проза, это один из перекрестков, который случился в то время, когда самого времени было отпущено так мало... По крайней мере, для нас двоих.

Все это я посвятил той, что появилась, как комета над Парижем – так же неожиданно, так же внезапно. Жизнь слишком коротка, чтобы жалеть о чем-то, именно поэтому я написал это письмо – не ей, но для нее. Искусство писать – странное занятие, оно проводит черту между воображением и реальной жизнью. Возможно, я никогда не увижу ее снова – ей не очень понравился Париж. Может быть, и я не люблю этот город... Как бы то ни было, она многое изменила во мне, и я не забуду этого. Я просто не смогу. Она была не человеком, а природным явлением – упавшей рядом

звездой или вспышкой молнии»²⁶.

²⁶ Перевод с французского Ольги Соколовой.

Глава 9.

Люксембург и Бельгия

Видимо, при четырнадцати градусах тепла вместо уже привычных двадцати пяти, мой мозг перестает медленно поджариваться и просто отключается: я два часа пыталась уехать из Парижа в Люксембург, стоя не на той дороге. Все шоколадные медальки – мои. Когда додумалась поменять дислокацию, было уже двенадцать часов, таким образом, до цели я добралась только вечером.

Погостить пару дней пригласил меня француз Янник, сразу же поразивший меня весьма неплохим знанием русского языка, который выучил самостоятельно. Он много путешествует, и не раз бывал в Москве, Петербурге, Ярославле, Соколе, Вологде. Кроме того, Янник присутствовал на инаугурации Путина, несколько лет встречался с русской девочкой и вместе с местным населением купался в проруби. Снова закрались мысли о том, что связи из прошлых жизней – не пустые слова. Не вижу другого объяснения такой самозабвенной любви к чужой родине.

Прикинув, что Янник наверняка оценит русскую классику, прочитала ему «Джима» Сергея Есенина – одно из немногих стихотворений, которые знаю наизусть. Впрочем, даже если бы мой новый друг не знал ни слова на языке Пушкина, стихотворение бы ему все равно понравилось:

звучание русского языка в рифмованных строчках, выразительно прочитанных красивой женщиной, производит возбуждающий эффект почти на любого слушателя мужского пола. Янник в ответ спел мне похабную песенку на французском. Содержание ее передавать не буду, намекну только, что главные действующие лица – девица и морковь.

В какой-то момент я обратила внимание на внешнюю схожесть Янника и моего московского друга Ярослава. Нечто подобное уже происходило раньше: водитель, у которого я ночевала в Севилье, был близнецом Альберто из Андорры, а симпатичный безалаберный мальчик на трамвайной остановке в Лиссабоне до невозможности напоминал кубинца, также встреченного в Андорре. Самое удивительное, что совпадали не только черты лица, но и манера поведения, и характер. Совпадение? Не думаю.

Ближе к ночи, когда город вымер окончательно, мы пошли гулять. «Люксембург – это страна, в которой больше всего денег», – рассказывал Янник, зарплата которого составляла несколько тысяч евро. По местным меркам – средний заработок. Кроме того, работодатель оплачивал квартиру, машину и телефон. Однако на меня впечатление произвел не высокий уровень жизни, а царящая вокруг тишина. Люксембург – это самый тихий город, который мне доводилось видеть. В восемь часов вечера жизнь там, кажется, останавливается: на улице нет ни души, лишь в центре можно встретить десяток-другой человек, половина из которых прово-

дит время в баре. Даже днем, гуляя в историческом центре, я чувствовала себя заблудшей душой в городе, оставленном людьми. Иначе говоря, если у кого-то умерла жена, грустить о ней лучше всего в пустом Люксембурге.

Стояла красивая осень, настоящий октябрь, в котором пахло листьями и ужасно хотелось укутаться в широкий шарф. Но в моем случае отлично подошел и теплый свитер, который я увезла из Парижа – тем более уютный, что его отдал мне мужчина. Пришлось купить плотные колготки, потому что я все еще замерзала везде, кроме Андалусии. Часто вспоминала старого растафарая из Гранады, к которому, по моей рекомендации, уже должна была приехать Настасья. Там, где были они – по-прежнему обжигало солнце, там, где была я – беззвучно проходили часы, а на улицах стояли индийские слоны, которые стали символом Люксембурга того года. Их можно было обнаружить в парках и на площадях, на больших перекрестках и в скверах. В этом молчаливом городе я развлекалась тем, что гуляла от слона до слона, радуясь каждый раз, когда удавалось случайно обнаружить нового.

Двух дней в Люксембурге мне хватило с головой, поэтому в Бельгию уезжала без сожалений. Еще до того, как отправиться в путь, я предчувствовала легкую дорогу до Брюсселя, и предчувствие меня не обмануло – в очередную столицу я приехала в одиннадцать утра, добравшись всего на двух машинах, причем во второй ехала девушка с четырехмесяч-

ным младенцем. Она же пригласила меня к себе, напоила кофе и свежавыжатым соком, предложила принять душ и дала пять евро на метро. Иногда доброта совершенно незнакомых людей обескураживает меня, но и вселяет надежду: если нечто подобное возможно, у человечества еще есть шанс.

С хостом в Брюсселе мне повезло намного меньше: мальчик, у которого я должна была остановиться, написал, что освободится лишь в полночь и не обидится, если я вдруг найду другое место. Я решила не менять планов, а день провести с кем-нибудь из тех, кто откликнулся на мое предложение погулять в городе днем. Первым, кто написал мне, оказался арабский мальчик, от которого я сбежала через два часа, так как он настойчиво предлагал воссоединиться в любовном порыве в его грязной квартире, напоминающей филиал ада на земле. Чувствуя жгучее желание убивать, я позвонила Винсенту – еще одному желающему составить мне компанию. Винсент – фламандец, ему двадцать один год, он учится на врача и отказывается верить в прошлые жизни. А я, как и в случае с Янником, никак иначе объяснить его странный интерес к России не могу: мой новый друг неоднократно был в Москве и в Питере, а русский знает настолько хорошо, что в его лексиконе присутствуют даже такие фразы, как «да ладно», «дурак, лопух» и «Одесса-мама». Стоит ли уточнять, что язык он выучил самостоятельно?..

Мы занесли мои вещи в крохотную комнатку Винсента, расположенную в мансарде, и отправились в город. Близость

Амстердама легко ощущалась уже из-за обилия велосипедов, которые, вероятно, есть здесь в каждом доме. Если же нет, то любой желающий может взять велосипед в аренду на специальных стоянках, расположенных повсюду. Несмотря на мои протесты (я скучная и избегаю этого замечательного средства передвижения лет с десяти), именно так мы и поступили. Следующие несколько часов мы наматывали километры по центру, уместившись на одном велосипеде вдвоем. Я попробовала знаменитые на весь мир бельгийские вафли, и увидела легендарного писающего мальчика – совсем малютку, не больше шестидесяти сантиметров.

После Винсент показал мне невероятный блошиный рынок, который работает каждый день, и на котором, кажется, можно найти все – от чудовищных пупсов до старых открыток, отправленных из Канады. Один из торговцев предложил мне даже лисью шубу за 5 евро. Я отказалась от соблазнительного предложения и ушла с пустыми руками, а вот Винсент таки не удержался от того, чтобы приобрести какой-нибудь трофей, и гордо унес с рынка репродукцию Магритта. С картиной подмышкой мы отправились к друзьям русскоговорящего фламандца, у которых оставили специфический автопортрет, и согрелись горячим чаем, предложенным одним из студентов. Тот же студент поведал нам занимательную историю о своем путешествии из Брюсселя в Барселону, которое он проделал пешком. Зачем? Он шел к испанке, в которую был влюблен. Господи, благослови сумасшедших,

береги их, и заботься о том, чтобы дороги их были теплыми. Кто мы без тех, кто еще способен нас удивить?

Нагулявшись, вернулись к Винсенту. Он предложил остановиться у него, если меня не смутят скромные условия, в которых он живет. Разумеется, меня ничего не смутило – доводилось ночевать и на улице. На следующий день Винсент познакомил меня с местными секонд-хендами, в которых, судя по всему, одевается полгорода: в магазинах легко встретить и молодежь, и стариков. Секонд-хенды я оценила по достоинству, так как совсем недавно обнаружила, что никакая одежда из имеющейся не спасает меня от наступающих холодов. За 38 евро я купила великолепные теплые ботинки, умильную шапку, удивительно теплый шарф (именно в такой хотелось укутаться в Люксембурге) и пальто на ТРИ размера меньше, которое, тем не менее, все же застегнулось на мне. Теперь дорога в холодный Копенгаген уже не пугала так, как раньше, ведь я была вооружена смешной шапкой и красными ботинками с меховой подкладкой! Мир засиял новыми красками.

Возвращаясь домой, забрели в черный квартал, в котором бал правят парики всех цветов и фасонов. Популярность их у черных женщин, чьи волосы от природы жесткие и непослушные, поистине невероятна. Через год мне представится еще одна возможность убедиться в этом, когда в Нью-Йорке я подружусь с забавной африканкой из Сенегала, дома у которой была целая коллекция париков.

В последнюю ночь мы слушали Дюка Эллингтона, пили вишневое пиво и вино – сначала белое, потом красное. Видимо, именно вино стало причиной моих утренних злключений. Когда будильник зазвонил в семь утра, я поняла, что передвигаться аки нормальный человек не могу физически. Всю первую половину дня я искренне верила в то, что происходящее – не более чем обычное похмелье, но когда мы с Винсентом спустились в подземку, поняла, что «похмелье» не проходит, и мне нужен активированный уголь. Причем чем быстрее, тем лучше. Разумеется, у меня его не было.

Следующие сорок минут мы искали аптеку, заодно обсуждая, как объяснить продавцу, что спасет меня: Винсент не знал названия активированного угля ни на фламандском, ни на французском, ни на английском. Он оптимистично предположил, что в аптеке кто-нибудь говорит по-русски. Я оценила шутку. Каково же было мое удивление, когда за стойкой в аптеке на окраине города обнаружилась украинка. Знаете, за что я полюбила Брюссель? За то, что столица Бельгии – это город с весьма неожиданным подтекстом. Брюссель может казаться абсолютно нормальным, пока ты не найдешь на улице шубу, например. Или аккордеон. Или пластмассового кота. Или украинку, когда она так нужна.

Активированный уголь помог не сразу. Несколько раз он вырывался наружу вместе с водой, которой я его запивала. Глядя на мои мучения, украинка посоветовала купить кока-колу. Оказывается, химические свойства напитка, сде-

лавшие его великолепным средством для удаления ржавчины, помогают и при необходимости продезинфицировать организм. То-то мне так необъяснимо хотелось колы с самого утра – тело знает, что ему нужно... Немного придя в себя, я выползла из аптеки, и мы отправились искать хайвэй. Винсент провожал меня, так как видел, что без него я не пройду и пару метров. Когда остановилась первая машина, было около двух часов дня. Узнав, что водитель едет в Антверпен, Винсент поехал с нами, так как его семья живет где-то неподалеку. В окрестностях Антверпена мы распрощались, и я села во вторую машину к армянскому священнику. Оказавшись через час на армянской свадьбе в крохотном голландском городке, я уже перестала чему-либо удивляться. Святой отец довез меня не только до Амстердама, куда ему было не по пути, но и до нужного мне дома. Амстердам во всей его красе предстал передо мной на следующий день, и практически сразу заслужил отдельную главу в этой, еще не написанной тогда книге.

Глава 10.

FUCK me. I'm a dreamer²⁷

Амстердам не похож ни на один город в мире. Стереотипы о нем – вовсе не стереотипы. Все, что приходит на ум при мысли о голландской столице – правда, и потому даже я не поехала бы туда с родителями. Среди причудливых домов, расставленных вдоль каналов, легко найти улицу красных фонарей: в любое время суток феи, одетые в кружевное белье и полупрозрачные пеньюары, игриво подмигивают праздным гулякам и охочим до местной экзотики туристам. Улицы пропитаны сладким дурманящим запахом марихуаны. Травой пахнет в ресторанах, сувенирных магазинах, в трамваях и у стойки информации для туристов. Попросить самокрутку с коноплей у случайного прохожего проще, что обычную сигарету – табак пользуется значительно меньшей популярностью. Если напрягаться не хочется совсем, черные мальчишки сами подойдут к тебе: это во Франции и Италии они промышляют преимущественно сумками и статуэтками Эйфелевой башни, в Нидерландах же более прибыльным является совсем другой бизнес... Еще один путь забить легкие, отправив сознание в дрейф по волнам

²⁷ Fuck me. I'm a dreamer (англ.) – «пошли меня к черту, я – мечтатель». Отсылка к песне Architects – Naysayer. Надпись на одной из стенв Амстердаме.

замечательного состояния, в котором ничего не имеет особого значения – посетить кофешоп: в меню не только латте и капучино, но и маленькие аккуратные пакетики с дурман-травой. Несмотря на соблазн пуститься во все тяжкие, шокируя на следующий день друзей и знакомых ошеломительными конопляными приключениями, данное в Гранаде обещание Иисусу я все же сдержала, и в течение всего пребывания в Амстердаме не сделала ни одной затяжки. Единственный допинг, который я себе позволяла – это вино. Но, черт возьми, меня бы оправдал и трезвенник: воспринимать этот город, находясь в нормальной кондиции, невозможно. Будь моя воля, я бы выражала происходящее исключительно неповторимым русским матом, но, кто знает, вдруг в один прекрасный день эту книгу откроют мои внуки?

На каждом углу в центре – секс-шоп. На витринах – многообразие вызывающе ярких фаллосов всех цветов, форм и размеров. Магазины для взрослых встречаются чаще, чем сувенирные лавки. В сувенирных лавках больше открыток с пенисами, чем со стандартными пейзажами и красивыми видами. Всего за 25 евро можно попасть на часовое секс-шоу в местное Moulin Rouge. Так как отказалась я только от марихуаны, оставив себе в усладу пагубный разврат, то пройти мимо не смогла. В программе было четыре номера. Номер первый: в течение минут десяти в метре от зрителей совокупляется пара. Однако выверенные позы, оральные ласки по расписанию и отработанные движения не возбужда-

ют никого из присутствующих – по постным лицам главных артистов понятно, что даже полы они моют с большим интересом. Очко уходит старому доброму порно в интернете. Номер второй: очаровательная блондинка танцует стриптиз, после вставляет в себя горящую свечу и делает «березку». Номер третий: куда менее очаровательная блондинка танцует стриптиз, затем забавляется с вибратором все там же, на сцене. Номер четвертый: снова возвращается миловидная девица, просит нескольких зрителей подняться на сцену, где они по очереди раздевают ее и едят банан с ее обнаженного тела. Мне достались бедра. Было вкусно. В общем, как вы уже поняли, секс-индустрия в Амстердаме занимает такое же важное место, как и культура курения марихуаны.

Мне бы хотелось увидеть человека, который честно приехал в Голландию ради подлинников Ван Гога, красивых каналов и уникальной архитектуры. Возможно, все дело во мне, и я слишком испорчена, но наркотики на прилавках и проститутки, напоминающие издалека манекенов в магазинах нижнего белья, не позволяли думать ни о чем другом. Единственное, что отвлекало от полного погружения в город грехов – опасность быть сбитой велосипедистом или споткнуться об один из сломанных зонтов, которые валялись повсюду: на проезжей части, на тротуарах, в забитых до отказа урнах. Амстердам недаром известен как дождливая велосипедная столица. По улицам приходилось буквально лавировать: двухколесные лихачи явно чувствовали себя хозя-

евами дороги, не особенно задумываясь о безопасности пешеходов.

За три дня в Голландии у меня не было возможности пообщаться с кем-то из местных, потому что остановилась я у грека. У большого бородатого грека. Антониос не был толстым, но был крупным, и я не могла удержаться от соблазна периодически пихнуть его кулаком в живот с диким криком «КЕБААААБ!». Ему было около тридцати, он, как и многие, безбожно курил траву, жил на пособие по безработице и имел сложные отношения с гречанкой, не желавшей переезжать в Амстердам. Несколько раз в день я ходила по его широкой спине, и каждый раз он чувствовал себя родившимся заново. После полудня мы выходили в город, который заливало октябрьскими дождями, и моя смешная шапка неизменно намокала. Вечерами я слушала Яна Тирсена, сидя на брошенном у стены матрасе, а за окном был такой ветер, что не хотелось даже думать о том, чтобы выйти на улицу. Ночами мы много разговаривали. «Как ты можешь быть такой расслабленной без марихуаны?» – спрашивал он перед рассветом. Я пожимала плечами. Мне было хорошо.

Антониос учил меня танцевать сиртаки и говорить по-гречески, а я дразнила его: «Ехал грека через реку, видит грека – в реке рак. Сунул грека руку в реку, рак за руку греку – цап!». «Цап!» – послушно повторял грека, заставляя меня умирать от смеха. Однажды он поцеловал меня. Это случилось накануне моего отъезда в Германию. Было, как

всегда, холодно. Уже стемнело, и туристы вернулись в свои отели. Мы, неприкаянные души, бродили по переулкам, и я, дурачась, ужасным голосом пела обо всем, что видела: «We are waaaaalkiiiiing in the streeet, I woould liiike to flyyyu to Creeetee!...»²⁸. «Замолчи!» – выдержать мои рулады, напоминающие визг сирены скорой помощи, было и впрямь непросто. «I saaaaaan't shut up, I'm not reaaaaady giive up!»²⁹. Он вдруг положил ладонь на мои губы, и прижался своими губами с другой стороны. А потом убрал ладонь. «Я не знал, что сделать, чтобы ты прекратила петь...». Это был один из самых романтичных поцелуев в моей жизни.

Вспоминая об этих странных днях, я снова и снова возвращаюсь мысленно в тот вечер, в город, в котором не жить – сходить с ума. Впрочем, готова поспорить, многие воспринимают его иначе. В любом случае, увидеть Амстердам стоит хотя бы раз. Главное – остаться в живых после этого.

²⁸ Незамысловатая импровизация, в переводе с английского: «Мы идем по улице, я хотела бы улететь на Крит!».

²⁹ «Я не могу заткнуться, я не могу сдать!».

Глава 11.

Германия, Дания, и снова Германия

В Ганновере я впала в летаргический сон. Возможно, такое ощущение было вызвано недавним безумием Амстердама. Я находилась в абсолютном анабиозе, и слабо осознавала происходящее: не особо вдумываясь, ходила с кем-то куда-то, останавливалась у церквей, гуляла по паркам, пересекала площади – будто в тумане. Все настолько смазалось в осеннем влажном воздухе, что спроси меня кто о Ганновере, я вряд ли смогла бы внятно объяснить, чем именно там занималась. Несмотря на то, что я постоянно общалась с людьми, впервые за долгое время меня закрутило в воронку собственных мыслей. Даже в последний день во Франции, гуляя в одиночестве и слушая грустные песни, я не чувствовала себя в такой прострации. Думалось о любви, Европе, деньгах, дороге, билете в Аргентину, попутчике, без которого дальнейшее путешествие представлялось опасным и невозможным. Выбраться из этого в окружающую действительность было сложно, поэтому я сделала только двенадцать фотографий и не отправила традиционную открытку родителям.

Но все это – мои субъективные ощущения, момент, в который я задержала дыхание, взгляд внутрь. Окружающий же мир ничуть не изменился: все занимались своими делами,

в том числе я. Приехав в город днем, я неприятно удивилась, обнаружив, что пригласившая меня переночевать девочка, дала неправильный номер телефона. Тем не менее, проблема решилась довольно быстро, и я поехала к колумбийке Изабель – первой женщине, которая гостила меня с того вечера, как я приземлилась в Италии. Вся жизнь Изабель – сплошные латиноамериканские страсти: ее муж, родом из Коста-Рики, забрал детей и увез в Германию. Чтобы общаться с ним хотя бы иногда, она переехала следом. Гуляя с ней, я узнала о существовании замечательных книжных шкафов, в которых каждый может бесплатно взять книгу или оставить свою для других. Великолепная идея, но вряд ли прижилась бы в России.

На второй день в Ганновере я встретила с Сашей и ее подругой Полиной. С Сашей мы познакомились, когда мне было двадцать, и я жила в Питере. Она тогда нередко бывала в северной столице наездами из Москвы, превращая совместное времяпровождение в праздник – фонтанирующая энергией девочка-фейерверк, поэт и сказочник, актер и режиссер в одном лице. В Германии Саша организовала свое дело – проект для детей «Чемодан сказок», в рамках которого прекрасно реализовала свои организаторские и артистические способности. По большому счету я приехала в Ганновер, чтобы повидаться с ней. При составлении маршрута мне нужно было отдышаться в любом городе между Амстердамом и Копенгагеном. Это мог быть Оснабрюк, Гамбург или

Бремен, но судьба распорядилась так, что приехала я именно в Ганновер.

Саша с Полиной ютились в студенческом общежитии в крохотной комнатке, рассчитанной на одного человека. О том, что Саша живет там нелегально, почти никто не знал, а те, кто знали, понимающе молчали. Вместе мы провели всего несколько часов, отправившись спать еще до полуночи, девочки – на кровать, я – на пол, примостившись в спальном мешке между шкафом и столом. Ранним утром, разбудив их всего на пару минут, чтобы попрощаться, я отправилась в Копенгаген, и это была одна из самых тяжелых и необычных моих дорог. В первой машине ехали три немецкие барышни, которые правдами и неправдами завезли меня в окрестности Бремена, куда мне было ну совсем не по пути. На этой же волне «окажись там, где тебе не надо», я ехала с англичанином-татуировщиком, обнаружив себя в итоге на дороге длиннее предполагаемой километров на двести. Не знаю, о чем я думала. Может быть, о милейшей болонке по имени Зуи, которая спала у меня на коленях. В общем, я была ярким образцом того, «как не надо».

Сменив еще несколько машин, в одной из которых ехал мерзкий похотливый датчанин (та самая ложка дегтя в бочке автостопной романтики), я столкнулась с суровой действительностью: стрелки часов приближались к шести вечера, практически без перерыва шел дождь, быстро темнело, а до Копенгагена оставалось не меньше трехсот километров.

Я честно начала думать о том, что буду делать, если не доеду до города – у меня были все шансы ночевать на дороге или на заправке. Однако мои ангелы не заставили себя ждать, прорвавшись ко мне сквозь дождь и сумерки на новеньком «мерседесе». Ян и Мие были богатыми датчанами, которых душа Иисус послал мне на помощь уже на закате. Озаботившись моей судьбой, они привезли меня в свой дом, пообещав купить билет на поезд до Копенгагена. В процессе было решено обеспечить мое будущее на жизнь вперед, и датчане обзвонили несколько знакомых на предмет продления моей визы, а затем предложили остаться у них в качестве домработницы: еда и жилье включены, зарплата тысяча евро. В тот момент у них уже работала семья русскоговорящих латышей, которые были ответственны за чистоту в доме и выгул добрейших собак из породы убийц. Но мои планы простирались намного дальше карьеры уборщицы в датской деревне, поэтому я отказалась. Позже Ян писал мне еще несколько раз в поисках дешевой рабочей силы, но возвращаться в том качестве, которое мне предлагали, я не хотела.

Свое обещание мои спасители сдержали: проведя вместе еще около часа, мы отправились на вокзал. На прощание, помимо билета на поезд, я получила в общей сложности триста крон – часть дал сам Ян, часть – расчувствовавшийся латыш Сергей. Когда благодарила их, было ощущение, что сердца не хватит, настолько ценной и своевременной оказалась помощь незнакомых в сущности людей... Вообще я заметила,

что в путешествии закон причинно-следственной связи работает намного быстрее, чем обычно. Вот я кидаю монетки в шапки музыкантов, несмотря на то, что и сама являюсь такой же бродяжкой, разве что без гитары, а вот эти же деньги возвращаются ко мне в несравнимо большем размере уже через несколько дней. Об этом я думала по дороге к центральному вокзалу датской столицы.

В Хельсинки я была полтора года назад, в Стокгольме – четыре, поэтому уже успела забыть, как холодно в Скандинавии. В Копенгагене вспомнила. Все-таки я никогда бы не смогла дышать этим чистым и свежим ледяным воздухом долго, даже несмотря на прекрасных блондинов вокруг. Да и северный темперамент слишком далек от всего, к чему я привыкла: оказавшись на концерте в известном клубе, обратила внимание, что зрители стоят минимум в двух метрах от сцены, слушают музыкантов с каменными лицами и совсем не танцуют. Сами музыканты тоже не рвут на себе рубахи: качественно отыграв ровно сорок минут, гордо уходят со сцены. Обратно их никто не зовет. Одна из самых унылых вечеринок, на которых я когда-либо была.

Тем не менее, я признаю, что эта абсолютная невозмутимость и хладнокровность идут Дании: все вокруг четко просчитано и сделано для удобства жителей, ничего лишнего, ничего ненужного, ничего, что нарушало бы общее благополучие. Но, конечно, за все это ты должен платить, причем очень дорого. Однако практически в центре города есть ме-

сто, одно существование которого безжалостно разрушает датский перфекционизм. Имя ему – Христиания. Обратившись к истории, мы узнаем, что лет сорок пять назад веселые хиппи обжили старые военные казармы, объявив новообразовавшуюся коммуны отдельным государством со своими правилами и законами. Например, в Христиании запрещены тяжелые наркотики, однако легкие открыто продаются местным населением. На протяжении всех этих лет власти неоднократно пытались прикрыть лавочку вместе со всеми сквоттерами³⁰, но результатов эта борьба не принесла – коммуна включает в себя примерно тысячу человек и здравствует по сей день. При этом знаменита она не столько чересчур свобододолюбивым населением, настроенным на волну шестидесятников, сколько официально разрешенной продажей конопли. На главной улице, как на обычном рынке, стоят прилавки и висят ценники. Вот только вместо картофеля и огурцов покупателям предлагается приобрести траву. Ощущение безнадежного сюрреализма настигает тебя вместе с килограммами марихуаны, разложенной повсюду. В мои пятнадцать я бы восхитилась, а двадцать четыре я подумала, что от первоначальной мечты остались только окурки, а идеология свободы и вседозволенности стала оправданием для наркоманов. Возможно, я была чересчур строга, но за минувшие полтора месяца меня уже начало подташнивать от запа-

³⁰ Сквоттер – производное от английского Squatting, лицо, самовольно вселяющееся в пустующее помещение.

ха ганджи.

Но было в Дании и что-то по-настоящему волшебное, ведь здесь родился великий сказочник Ханс Христиан Андерсен, который жил в Копенгагене с 14 лет. Много в городе напоминало о нем: дом, в котором он прожил девятнадцать лет, омываемая водами северного моря русалочка в порту, музей сказок, мимо которого я, конечно, не смогла пройти. Однако, как и шведский музей Астрид Линдгрэн, он оставил меня почти равнодушной. Если говорить о книжных местах Скандинавии, то ничего лучше долины Муми-троллей в Финляндии я не видела – вот уж где действительно интересно и детям, и взрослым.

В отношении хостов скандинавские боги отчаянно не благоволители мне: за короткое время я успела пожить у двух азиатов, причем оба были странными и нервными. Первый отличился еще и предложением заплатить за секс. Так теряется идея каучсерфинга. Печально.

Из Копенгагена я уезжала без сожалений, и ехала тяжело и долго, больше четырнадцати часов. Путь мой пролегал не только по земле, но и по воде – из Дании в Германию я переправилась на пароме с молодым польским дальнобойщиком. Мой водитель лелеял мечту выиграть джекпот в игровом автомате, ненавидел Германию (из-за Гитлера) и женщин (из-за того, что курва-жена изменила с лучшим другом). Не помню, как так вышло, но на берегу мы потерялись, и из порта мне пришлось выбираться самосто-

ательно. Довольно долго я шла по узкой обочине, пытаюсь застопить кого-нибудь из тех, кто так же, как и я, приплыл из Дании. Машины закончились, а вместе с ними – и надежда добраться в этот день до Берлина. Я продолжала идти, пока не поравнялась с одной из второстепенных дорог. Через какое-то время меня подобрали местные жители, и с ними я проехала около 100 километров. В восемь вечера я оказалась на окраине Гамбурга, в двухстах пятидесяти километрах от немецкой столицы. Уже стемнело, и кто-то сказал мне, что больше заправок на шоссе не будет, и мой единственный шанс добраться до цели – сесть к кому-то, кто едет напрямик в Берлин. Обычно я стараюсь не напрашиваться в попутчики и просто стою на выезде – если кто-то захочет разделить со мной дорогу, то остановится сам. Однако сейчас выбора у меня не было.

Завидев одинокого мальчика, заехавшего на заправку купить сигарет, я осторожно подплыла к нему с вопросом, не в Берлин ли он направляется. «В Берлин» – угрюмо ответил тот. В его ответе я не услышала особого энтузиазма подбирать бродяжек, поэтому просто замолчала, решив не навязываться. Мальчик снова посмотрел на меня и спросил: «Едешь?». Конечно, еду! Все обстояло совсем не так плохо, как мне показалось: на поверку француз Фред оказался отличным парнем и ужасным матерщинником. Он довез меня не только до Берлина, но и до бара, в котором в ту ночь работал мой хост – русский немец Артем.

В Германию Артем переехал, когда ему было девять. Несмотря на то, что он безупречно говорит по-немецки и избегает русскоязычного общества, интегрироваться в стране на 100% ему так и не удалось – он все еще не принимает и не понимает чересчур мужественных немцев, горящих желанием отстаивать свою независимость, на которую уже давно и так никто не посягает. Год назад Артем открыл бар, из которого совершенно невозможно уйти: хочется лежать на мягких диванах среди свечей, говорить с кем-нибудь творческим о чем-нибудь неважном, слушать дурную русскую песню с немецким припевом «Eins, zwei, drei! Schicke schicke Schweine!»³¹ и смотреть, как подпевают, танцуя на столах, местные... В вечер воскресенья, когда я вползла в бар с рюкзаком наперевес, Артем и компания провожали друга Хенрика, который купил лодку и в недалеком будущем улетал на Фиджи зимовать. Отличный план.

Почти сразу после вечеринки я почувствовала, что заболела. Обложившись лекарствами, один день я умирала в постели на фоне золотой осени в Берлине, весь второй день пыталась ожить. Абсурдное время, когда больше всего хотелось часами бродить по улицам, но вместо этого я была вынуждена часами проводить время с градусником, закутавшись в одеяла. Отвратительное самочувствие превращалось в невыносимое на фоне звонков мамы, которая в слезах со-

³¹ Eins, zwei, drei! Schicke, schicke Schweine! (нем.) – «Один, два, три! Шикарные, шикарные свиньи!». Строчка из песни певицы Глюкозы.

общала мне, что ей стыдно рассказать кому-нибудь о такой дочери. Какой – такой? Я бросила работу в офисе и ставшую до боли родной и знакомой Москву ради путешествия автостопом без денег. Мне двадцать четыре, у меня все еще нет дома, мужа и детей. Сейчас, когда я пишу эти строчки, ситуация нисколько не изменилась, разве что декорации стали другими: я больше никуда не еду и ниоткуда не возвращаюсь, в пятницу вечером я сижу в пустом баре далеко от центра Вены и подбираю слова для того, чтобы рассказать свою историю. Мне двадцать семь, у меня по-прежнему нет дома с садом, мужчины с сильными руками и красивого сына с сердцем бога. Иногда я думаю, что каждому в жизни отмерено определенное количество любви, и я свой лимит израсходовала, а значит, останусь одна на дороге, но стараюсь гнать от себя эти мысли. Правда в том, что с возрастом найти человека, с которым взаимно захочется остаться и в горе, и в радости, все сложнее. Правы те, кто женятся совсем молодыми – позже первые свидания все больше напоминают собеседования.

Сбив температуру и обмотавшись шарфом, я все-таки вышла в город. Прогулявшись немного, пришла в бар к Артему. При дневном свете магия рассеялась, и стало хорошо видно залитые воском подсвечники, еще неубранные после вечеринки пустые бутылки, и грязные стаканы. Внезапно раздался звук смс – на третий день пребывания в Берлине мобильный оператор прислал мне сообщение с текстом «Добро по-

жаловать в Андорру». Вот уж спасибо, куда-куда, а в Пиренеи в ближайшее время я точно не планирую возвращаться. Если куда мне и было нужно, то в Аргентину, поэтому, пока хозяин на пару с приятелем старался облагородить помещение, я решила разобраться с билетом в Латинскую Америку – больше откладывать было нельзя. Проверила финансы: моих собственных денег – шестнадцать тысяч рублей, еще несколько тысяч прислали сопереживающие и просто неравнодушные (спасибо Геннадию, Жене Давыдову и Сергею Гнедкову), десять – добавили родители. В сумме вышло что-то около тридцати-тридцати пяти тысяч.

Я задумалась над тем, чтобы не ехать в Грецию, а сэкономить время и деньги, но большие носатые греки, сиртаки и древнегреческие храмы безудержно влекли меня к себе. Тогда я еще не догадывалась о том, какие противоречивые дни ждут меня в Салониках и в Афинах... Итак, дрожащей рукой я нажала на кнопку «Купить», и точка невозврата была пройдена. В период с 16 по 18 ноября меня ждали три самолета. Утром 16 ноября я должна была полететь из Афин обратно в Берлин, откуда, на следующий день – в Мадрид (Виталик, пророчески сообщивший на прощание, что я еще вернусь, оказался прав), и только из Мадрида мне предстояло сесть в самолет до Буэнос-Айреса. Пути назад не было. Осознав это, я впервые почувствовала страх, смешанный с любопытством. Я прибуду на другой континент с сотней евро в кармане. Из-за того, что я не говорю по-испански, найти ра-

боту будет почти невозможно. Тем не менее, я была уверена, что не загнусь под мостом. Моя личная философия и жизненный опыт доказывали, что мир никогда не даст пропасть: даже если ты стоишь на краю пропасти, кто-нибудь протянет тебе руку, и не даст сорваться. Вопрос в том, чья это будет рука.

Глава 12.

Через Чехию, Австрию и Словению – на Балканы

Незадолго до того, как я приехала в Чехию, мне пришло сообщение от знакомой: «Каждый раз, когда я бываю в Праге, и кто-то из моих знакомых бывает в Праге, становится ясно, что мы были в разных городах». Не сразу, но я поняла, что она имеет в виду. Эта, октябрьская Прага две тысячи тринадцатого, показалась параллельной версией города, в который я приезжала два года назад. В тех днях было много смеха и куража, ни одной минуты мы не были трезвыми. Мы пили с прохожими, подпевали незнакомым песням, плавали на лодке по Влтаве ночью, стояли посреди Карлова моста в страшную грозу, еще не зная, что именно от этого воспоминания через несколько лет будет щемить сердце... В этот раз я видела то, что осталось незамеченным тогда – другие места, другие улицы. Оставшись наедине с городом, я оказалась в Праге, какую никогда не знала и не помнила – усыпанной цветными листьями, по-осеннему прохладной, тихой и волшебной. Однако прошлое никуда не делось, прошлое все еще было повсюду, город бережно хранил его для меня: вернувшись на Староместскую площадь, я почти поддалась искушению поверить, что того гляди Прагу окутает август,

Лерка выйдет из-за угла в своем сарафане (смеющаяся, как всегда, и такая же красивая), а летняя гроза триумфально догонит нас прямо на Карловом мосту, намочив бумажную карту, после чего мы будем долго сидеть в фойе отеля, потому что потеряли ключ от номера.

Я была одна, но меня не оставляли мысли о том, что не Париж, а Прага – город любви, в котором даже безнадежно разбитое сердце способно возродиться заново. Сейчас я понимаю, что это была одна из множества иллюзий. Триумфальная арка и часовая башня – не более чем декорации для любви, но не ее начало.

Сентиментальные настроения не покидали меня даже несмотря на суровые реалии, в которых я жила. Найденный в последний момент хост, родившийся в Канаде мальчик-азиат, был невозможно скучным и серьезным. Комната в полуподвальном помещении, которую он снимал, была не менее унылой: сырой воздух пропитал все, заплесневел даже диван, на котором я спала, с головой укутавшись в спальник. Атмосфера осложнялась еще и тем, что товарищ без устали критиковал мой английский. Ему не нравилось все: акцент, проблемы с грамматикой, недостаточно богатый словарный запас. Подавляющую часть времени он рассказывал о том, какие муки испытывает, когда я пытаюсь с ним общаться, от чего само желание общаться пропадало чуть более чем совсем. Я уже давно обратила внимание, что чем сильнее собеседника задевает мой ужасный английский,

тем невыносимее наша с ним коммуникация. Особенно это смешно в контексте того, что сами носители языка, англичане и американцы, ведут себя совершенно нормально и не переживают из-за моего лексикона и произношения больше, чем я сама. В общем, проводить время без хоста было намного приятнее.

Мне в принципе не везло с азиатами, встреченными в этом трипе: за редким исключением все они были патологически странными и беспощадно ошарашенными. Об азиатах, родившихся и живущих в Китае, Вьетнаме и других странах, ничего сказать не могу – путешествие по Азии будет когда-нибудь, однажды, не завтра.

Нагулявшись по городу в одиночестве, я пошла в студенческий бар на встречу каучсерферов. К тому моменту начавшаяся простуда достигла стадии Дженис Джоплин: пытаюсь перекрыть музыку, я низким голосом с хрипотцой разговаривала с новыми встречными, а когда голос закончился, перешла на интимный полусшепот. Так я познакомилась со Славиком, которого родители перевезли в Канаду вечность назад, но не удержали от того, чтобы в один прекрасный день он переехал в Амстердам. Выяснилось, что с разницей в несколько дней мы оба были в Брюсселе, и что он, так же, как и я, приехал автостопом из Берлина, и даже видел меня на хайвэе! Воистину, мир – игрушка в руках ребенка.

Между делом Славик с горящими глазами сообщил мне, что в Берлин он ездил к «будущей жене». Мое удивление, вы-

званное возрастом жениха (кажется, влюбленному едва стукнуло девятнадцать), было воспринято с легким презрением, свойственным тому, кто уверен, что знает о любви все: он показывал мне общие фотографии, сделанные в Германии, и уверял, что они подходят друг другу, как детали одного пазла. Когда через несколько лет мы разговорились в социальных сетях, я узнала, что женой девочка из Берлина так и не стала, а история их великого чувства превратилась лишь в один из множества фрагментов, из которых состоит каждая человеческая жизнь. Ничто не вечно под луной.

Вернувшись домой, поняла, что пришло время двигаться дальше, и на следующее утро выехала в Австрию. Еще на этапе выбора маршрута я отказалась от идеи остановиться на пару дней в Вене – сказывались негативные воспоминания двухлетней давности, когда вся наша компания переругалась, и каждый гулял в одиночестве. В конечном итоге мы дружно упились на балконе отеля и были совершенно счастливые. Но даже это светлое воспоминание не изменило моего решения объехать австрийскую столицу стороной. Исключительно по этой причине город я выбрала почти наугад, и вышла на дорогу с табличкой «Зальцбург». Тогда я и представить не могла, что ровно через два года буду жить в Вене, примирившись на время и с ней, и с собой.

Добираться пришлось долго – в Чехии в принципе не самый лучший автостоп, а тут еще случились какие-то праздничные выходные, в результате чего все население Праги

рвануло прочь из города. Казало бы, мне это даже на руку, но нет: стоял не то что выезд из города, стоял хайвэй на протяжении километров двадцати. Машинам не нужно было тормозить, чтобы меня подобрать, они и так передвигались внутри пробки с черепашьей скоростью. Нечто подобное приключилось со мной в Тарифе, но не в таких масштабах. В общем, в том, что в Зальцбурге я оказалась лишь в семь часов вечера, не было ничего удивительного.

Гостить меня вызвался Набин, мальчик из Непала, который переехал в Европу пять лет назад. Он написал мне, когда я уже совсем отчаялась – почему-то найти крышу над головой в Зальцбурге было очень сложно. Человеком Набин был неплохим, но было в нем что-то отталкивающее: вместо стирального порошка он использовал гель для душа, а шутки часто оказывались на грани фола, будучи при этом даже не смешными. Зато рисовал мой новый друг замечательно: на стене красовалась выполненная весьма достойно картина с изображением бывшей девушки. Примерно через год я узнала, что он переехал в Лиссабон. Честно сказать, я его понимаю: в беспечном городе у моря дышится легче, чем в холодном и гордом Зальцбурге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.